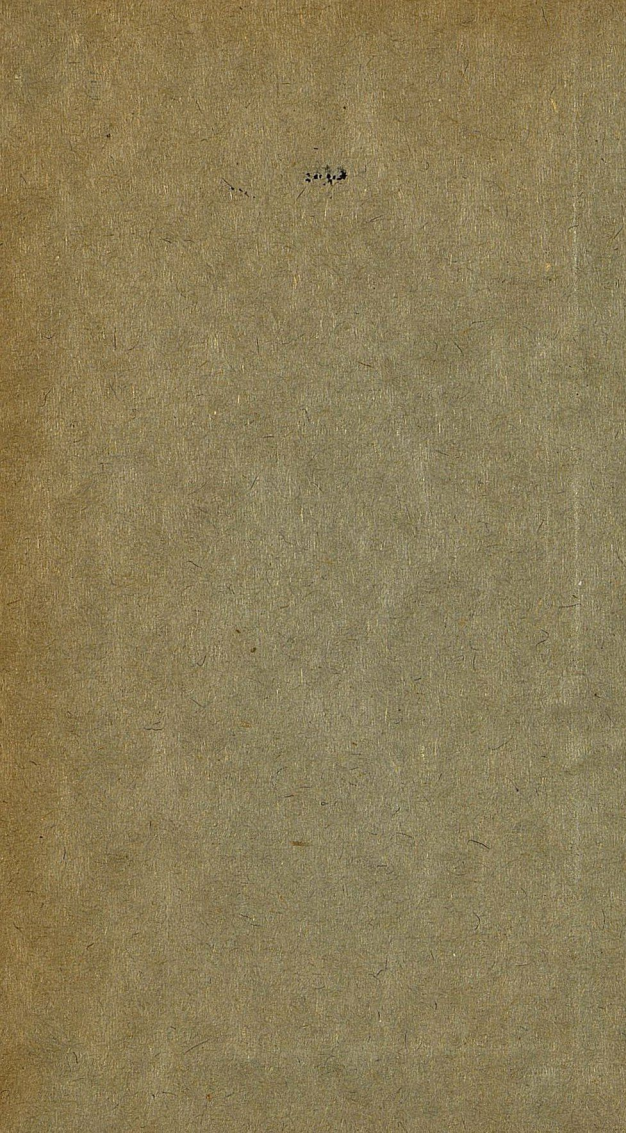

XXIV 75
12

ГОД 2

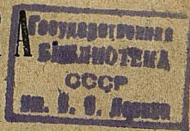
ОТГ. Т. 7.5-6. 1845

Не копировать

Не копировать

8 5, 6-3 2
8. 6-4
БИБЛИОТЕКА

75
12
для

н 184-52

ВОСПИТАНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

часть V.

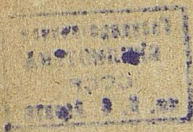

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Изданіе А. Семена.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

57-1845

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

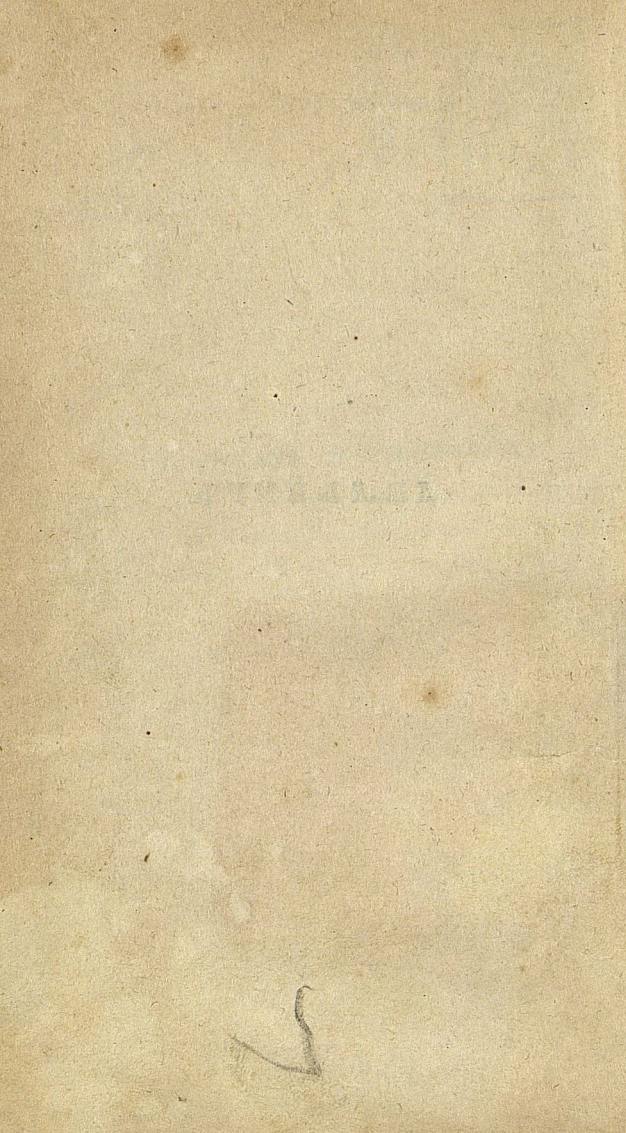
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экз
мпляровъ. Москва , Ноября 23-го дня 1845 год

Ценсоръ Н Зерновъ.

22507

XVII 75
19

ДЕЛЬВИГЪ.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣла, пѣла пташечка
И затихла ;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, пѣвунья пташечка ,
Замолчала ?
Какъ ты сердце свѣдалось
Съ чернымъ горемъ ?

Ахъ убили пташечку
Злая выюги ;
Погубили молодца
Злые толки !

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю ;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій !

На морѣ валы шумятъ,
А не выюги —
Въ лѣсъ звѣри лютые,
Да не люди !

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

СОНЕТЪ. (*)

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
 Тебѣ идти къ Парнаскимъ высотамъ,
 Тебѣ вънокъ — повѣрь моимъ словамъ —
 Плететь Амуръ съ Каменной сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
 Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
 Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
 Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
 Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслаждение,
 И первый я его услышалъ пѣнье

(*) Стихи эти могутъ показаться слабыми; но они здѣсь помѣщены, какъ чрезвычайно замѣчательныя по отношенію къ біографіи Дельвига.

И за себя боговъ благословиль.
 Пѣвца *Пировъ* я съ Музой подружилъ
 И славой ихъ горжусь въ вознагражденъе.

РОМАНСЪ.

« Сегодня я съ вами пирую, друзья ,
 Веселье намъ пѣсни заводить,
 А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
 Откуда никто не приходитъ ! »

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
 Давно ; но, отъ самаго дѣтства ,
 Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ тайлъ ,
 Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
 На кудри мои надѣвая ,
 « Стыдись, восклицали , мечтатель — пѣвецъ !
 Измѣнить ли жизнь молодая ! »

Война запылала , къ роднымъ знаменамъ
 Друзья , какъ на пиръ , полетѣли:
 Я съ ними—но жребьи, враждебные намъ,
 Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
 Ихъ битвы, предтечи победы;
 Ихъ славою часто я первый живилъ
 Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали , я часто въ слезахъ
 Былъ черной повязкой украшенъ. . . .
 Брань стихла, гдѣжь други? лежать на поляхъ
 Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сажу на пирахъ,
 Гдѣ все мнѣ твердить про былое;
 Дрожить моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
 Мнѣ тяжело веселье чужое.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

С о л д а т ь.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манила меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

П л с т у х и.

Спасибо служба! Хлѣба кушать.

С о л д а т ь,

Быть такъ,

Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

1-й Пастухъ.

А идешь откуда?

С о л д а т ь,

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну:
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и сѣмъ лѣчили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили!
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2-й Пастухъ.

На руку, обопрись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!

С о л д а т ь,

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ!
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ,
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,

Легко мнѣ въ воздухѣ родномѣ, какъ рыбкѣ
 Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
 Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
 Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
 Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши,
 И дорого и чудно, да не мило.
 Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышешь,
 Здѣсь всѣ составчики въ себя впиваютъ
 Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ
 И спать не хочется! игралъ бы все
 До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3-й Пастухъ.

И мы-бъ, землякъ, играть не отказались,
 Да лихъ нельзя! Село далеко, стадожь
 Покинуть безъ присмотра, положившись
 Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
 Какъ быть! но вотъ и кашица поспѣла:
 Перекрестяся, примемся за ужинъ,
 А послѣ, если къ сну тебя не клонить,
 То Расскажи намъ (говоришь ты складно)
 Простарое свое житье-бытье.
 Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
 И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
 И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
 Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,

Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ или гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить.

С о л д а т ь.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянуть! полно!
Старухи врутъ вамъ! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться? Да нынѣжь чловѣкъ
Лукавѣй бѣса! нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу.
Какъ сжалился онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И равнюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещать, и за щеки и уши щиплютъ.
Свѣжо намъ стало, а Французамъ туга!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ какъ святочные хари,

И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
 Недалеко ушли же. На дорогѣ
 Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
 Дня суднаго на мѣстѣ преступленья —
 У Божьей церкви, ими оскверненной,
 Въ разграбленномъ анбарѣ, у села,
 Сожженного ихъ буйствомъ! Мы бывало,
 Окончивъ трудный переходъ сидимъ,
 Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
 А около лежать, какъ это стадо,
 Замерзлые Французы. Какъ лежать!
 Когдабъ не лица ихъ и не молчанье,
 Подумалъ-бы, живые на бивакѣ
 Комедию ломають. Тотъ уткнулся
 Въ костеръ горящій головой, тотъ лошадь
 Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
 Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
 Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
 Вонзили, какъ враги!

П а с т у х и.

Ухъ! страшно, страшно.

С о л д а т ь.

А между тѣмъ, курьерской колокольчикъ,
 Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
 Прозвякнетъ на морозъ; отовсюду

Везуть извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й Пастухъ.

Э, братцы ,

Смотрите, вотъ и къ вамъ тележка скачетъ ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ ; ямщикъ ужь держитъ лошадей :
Не спросятъ ли о чемъ насъ ?

С о л д а т ь .

Помоги

Мнѣ встать : солдату вытянуться надо. . . .

Офицеръ (*подъѣхавъ*).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку !

С о л д а т ь .

Въ минуту, ваше благородье !

О ф и ц е р ь .

Ба !

Товарищъ, ты какъ здѣсь ?

С о л д а т ь .

Къ женѣ и сетрамъ

Домой тащуся, ваше благородье !

За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ.

Съ Богомъ!

Снесишь къ своимъ хорошее извѣстье:
 Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
 Въ Парижѣ Русскіе отмстили честно
 Пожаръ Московскій. Ну, прости, товарищъ!

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

(Офицеръ утѣшаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
 Отнынѣ и вовеки буди! Вотъ какъ
 Господь утѣшилъ матушку — Россію!
 Молитесь, братцы! Божьи чудеса
 Не совершаются-ль предъ нами явно!

Дельвицъ.

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА.

АХИЛЛЪВЪ ЗНОВЬ ВООРУЖАЕТСЯ.

Солнце скрылось въ волны и рать Данаевъ почила отъ бранной тревоги. Трояне быстро сошли съ ратнаго поля, и не мысля о покоѣ, или пищѣ, собрались на совѣтъ. Никто сѣсть не дерзалъ, ужасаясь появленія Ахилла. Наконецъ мудрый Полидамасъ, другъ Гектора, въ одну ночь съ нимъ родившійся, говорить началъ: «Совѣтую, «друзи, нынче же въ городъ войти все-
«му ополченью и не ждать зари въ по-

« лѣ, близъ судовъ. Если Ахиллесъ по
« утру застанетъ насъ здѣсь, то многіе
« достанутся добычею псамъ и хищнымъ
« птицамъ. Ночь проведемъ мы со всѣмъ
« войскомъ на площади въ городъ, а
« высокія стѣны и крѣпкіе затворы бу-
« дутъ намъ крѣпкой защитой. Съ зарей
« вмѣстѣ, станемъ мы на башняхъ, и
« тогда горе надмѣнному, если онъ, отъ
« судовъ удаляся, подъ стѣнами замыс-
« лить съ нами сразиться. »

Гекторъ взглянулъ на него грозно и
отвѣчалъ: « Мнѣ непріятны слова твои,
Полидамасъ! Время ли отступить намъ
и заключаться въ стѣнахъ, когда Юпи-
теръ даровалъ мнѣ побѣду и когда Ахей-
цевъ притѣснилъ я къ судамъ? Я не по-
зволю Троянамъ послушаться тебя!
Повинуйтесь мнѣ, други! соберитесь
всѣ отрядъ къ отряду и вечеряйте, не
забывая стражу ночную. Кто же изъ
Троянъ о богатствѣ своемъ крушится,
пусть соберетъ и отдастъ на народъ!—

пусть наслаждаются свои, а не чужіе Ахейцы! Завтра же, на зарѣ, мы рѣшительно на суда нападѣмъ, и если правда, что Ахиллесъ возсталъ, худо ему будетъ! я самъ его, могучаго встрѣчу, и съ побѣдною славой, или онъ, или я возвращуся!» — Трояне съ шумными восклицаніями согласились всѣ съ Гекторомъ; полезнаго совѣта Полидамы никто не хотѣлъ слушать и съли всѣ вечерять въ полѣ.

Но Мирмидонцы цѣлую ночь провели надъ Патрокломъ, стѣня и рыдая. Царь Ахиллесъ, положиа грозныя руки свои на грудь бездыханнаго друга, тяжело стоналъ, какъ левъ, у котораго ловчій похитилъ дѣтей. «Боги, боги!» говорилъ онъ, бесплодное слово сказалъ «я, когда утѣшалъ Менетея, героя! я обѣщаль привести назадъ въ Опунть славнаго сына, Трои рушителя, съ пышной добычей! не всѣ помышленія людей Зевсъ совершаетъ! обоимъ намъ

«предназначено одну землю окровавить,
«здѣсь на Троянскомъ берегу! И ме-
«ня престарѣлый отецъ мой Пелей въ
«домъ отцевъ не увидить! здѣсь моя
«могила. Но тебя, мой Патроклъ, съ
«честью погребу я! принесу тебѣ го-
«лову и броню Гектора, гордаго смертью
«твоей и двѣнадцать знатѣйшихъ сы-
«новъ Трои обезглавлю у костра тво-
«его. Ты же, Менетисъ, покойся до
«тѣхъ поръ у судовъ моихъ.

Тогда Ахиллесъ повелѣлъ друзьямъ,
въ мѣдномъ треножникѣ, согрѣть воды,
и омыть тѣло Патрокла отъ запекшейся
крови и праха. Тѣло омыли, умастили
слеемъ, положили на одръ и накрыли
тонкимъ полотномъ съ ногъ до головы,
а сверху одѣли покровомъ блестящимъ.
Потомъ всю ночь Мирмидонцы, стоя
толпою вокругъ Пелида царя, круши-
лись о Патроклъ, стенья и рыдая.

Между тѣмъ Оетидѣ достигла звѣзд-
ныхъ, нетлѣнныхъ чертоговъ Гефеста.

Изъ блистательной мѣди сковаль ихъ себѣ богъ хромоногій. Гефестъ, покрытый потомъ, трудился въ то время, надъ мѣхами. Двадцать треножниковъ вдругъ сковаль онъ, подъ каждымъ устроилъ золотыя колёса, на которыхъ сами собою катились они въ чертоги боговъ, и сами собою въ домъ возвращались, взорамъ на диво. Онъ придѣлываль ручки, и послѣдніе къ нимъ коваль гвозди. Харита, молодая жена хромого бога, увидя входящую мать Ахиллеса, вышла къ ней на встрѣчу, ласково привѣтствовала и усадивъ на серебряномъ тронѣ съ легкой, подвижной скамьею, кликнула художника мужа. Гефестъ радостно воскликнулъ, увидя богиню: Мощная, почтенная богиня у меня въ домѣ! ею мнѣ жизнь спасена! она, вмѣстѣ съ Евриномой приняла меня, когда я сброшенъ былъ съ неба матерью Герой: жестокая мать захотѣла скрыть сына хромого.-- Девять лѣтъ провелъ я

въ глубокой , подземной пещерѣ ; кругомъ ревѣлъ Океанъ неизмѣримый , и ни единый Олимпійскій житель не вѣдалъ обо мнѣ , только Ѳетида безсмертная и сестра ея Евринома. Теперь , спасительница моя посѣтила домъ мой ! чествуй ее , супруга моя , угощеніемъ пышнымъ . Я не замѣдлю прибрать свои снаряды .

Сказалъ , и отъ наковальни поднялся , медленно двигая слабыя ноги . Мѣхи и снаряды уложилъ всѣ въ ларецъ , серебромъ окованный , потомъ мокрою губкой вытеръ лице и руки могучія , и шею и перси ; одѣлся , взялъ въ руки толстый жезлъ , опираясь на прислужницъ , прибрелъ колыхаясь . — Прислужницы его , изъ золота имѣя самими скованныя , во всемъ подобны были живымъ дѣвамъ ; молодость и разумъ , силу и голосъ даровалъ онъ имъ . — Подошедши къ Ѳетидѣ , взялъ ее за руку и сказалъ : « Почтенная милая Ѳетида , чего желаешь ты , скажи ? ты рѣдко мой

домъ посящаешь. Но все, что угодно тебѣ, исполню, если оно исполнимо.»

Θетидѣ, залившись слезами, просила его сжалиться надъ кратко-жизненнымъ сыномъ ея Ахиллесомъ, и дать ему вновь и щитъ и шоломъ, и поножи и латы. — Свои потерялъ онъ, какъ другъ его вѣрный палъ отъ Троянъ! и теперь онъ надъ нимъ, на землѣ простертый, тоскуетъ.

«Будь спокойна, отвѣчалъ ей Гефестъ и о томъ не крушися. О, если бы я могъ Ахиллеса отъ смерти укрыть столь же легко, сколь легко мнѣ для него изготовить доспѣхи!»

Сказавъ и тотчасъ приступилъ къ работѣ. Двадцать мѣховъ въ огонь обратилъ онъ и повелѣлъ дѣйствовать. Самъ же бросилъ въ распыхавшійся пламень мѣдъ некрушимуую, олово, серебро и золото; тяжкую наковальню посадилъ на столпъ, молотъ огромный

взялъ въ правую руку, клещи въ лѣвую и началъ работу. Прежде всего сковалъ щитъ крѣпкій изъ пяти листовъ, съ тройнымъ ободомъ и сребристымъ ремнемъ. На кругъ обширномъ представилъ онъ землю, и море, и небо съ солнцемъ, луной и звѣздами;— далѣе два цвѣтушихъ города; въ одномъ шествія, свадьбы, торжища, полныя народа,— и вѣстники, и старцы градскіе; другой городъ представилъ двума войсками осажденный; внутри жены, и юные дѣти и старцы, мужи выходятъ сражаться и ведутъ ихъ Арей и Паллада въ доспѣхахъ златыхъ, прекрасные, сущіе боги! подалѣе, являлась битва, раненые воины и смерть и сраженіе около падшихъ за ихъ доспѣхи. Въ другой сторонѣ представилъ Гефестъ широкое поле и пашню, землешцевъ съ волами, и ниву чернѣющуюся сзади ороющихъ, что дивно изъ золота было.— Далѣе жатву, и подъ дубомъ широкимъ

готовый пиръ для жнецовъ. — Далѣе, садъ виноградный, черные груды поддерживались серебряными подпорками, около саду вывелъ онъ ровъ темносиній и стѣну изъ бѣлаго олова. Дѣвицы и юноши весело собирали виноградъ въ корзины, среди ихъ отрокъ бряцалъ на лирѣ, онъ же неслись стройнымъ хороводомъ. — Тамъ же представилъ воловъ бѣгущихъ къ шумной рѣкѣ: за ними четыре пастыря идутъ и девять псовъ быстроногихъ. На передняго вола два густогривые льва напали и рвутъ его, собаки лаютъ издали, не слушаютъ пастырей и не смѣютъ ко львамъ подступиться. — Далѣе въ тихой долинѣ, несчетное стадо серебряныхъ овецъ, мирныя кущи пастуховъ; — наконецъ Гефестъ изваялъ хороводъ дѣвицъ въ блестящихъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и юношей съ золотыми ножами на серебряныхъ ремняхъ, черезъ плечо висящихъ. Толпа

поселянъ смотритъ на ихъ веселую пляску, а въ серединѣ круга два скормороха вертятся подъ ладъ пѣсенъ. — На верхнемъ ободѣ щита изображенъ былъ Океанъ, который обвивалъ его волнами, словно змѣею.

Изукрасивъ такимъ образомъ крѣпкій щитъ, сдѣлалъ Гефестъ и броню яснѣ огня, и шлемъ соразмѣрный главѣ Пелида, съ золотымъ гребнемъ на верху; и поножи изъ гибкаго олова. Когда же доспѣхи были готовы, то художникъ положилъ ихъ на землю передъ Оетидой; и мать Ахиллеса, какъ ястребъ на добычу, бросилась на доспѣхи и помчала ихъ къ сыну.

Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ дня пришла она къ Ахиллесу, который громко рыдалъ, разпростертый надъ Патрокломъ. Многіе друзья окружали его и плакали. Среброногая богиня, взявъ сына за руку, положила передъ нимъ на землю

блестящіе доспѣхи. Вздогнули всѣ Мирмидонцы, ни одинъ не посмѣлъ глядѣть на пламенное вооруженье, но Ахиллесъ, взглянувъ на него, сильнѣйшимъ исполнился гнѣвомъ и глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ засверкали. Съ радости взялъ онъ доспѣхи и сказалъ матери: «это даръ мнѣ безсмертнаго, твореніе бога: теперь же надѣну его; но сердце мое безпокойно, боюсь, чтобы мухи не проникнули въ глубокія раны Патрокла, боюсь, чтобы образъ его не исказился тлѣніемъ!»—«Не заботься объ этомъ», отвѣчала ему Тетида. «Я буду отгонять мухъ и тѣло его останется невредимо, хоть-бы годъ еще пролежало.»—Такъ говоря, вдохнула Патроклу амброзію въ ноздри и тихо въ полуоткрытый ротъ влила нектаръ; божественная пища проникла его и тѣло осталось невредимо и прекрасно.

Ахиллесъ между тѣмъ пошелъ быстро по берегу моря, громовымъ голо-

сомъ сзывая Ахейянь. Всѣ прибѣжали, даже кормишки корабельные, даже сторожи всѣ, услыша, что Ахиллесъ благородный вновь показался. Царь Одиссей и Тидидъ Діомедъ шли, хромя и опираясь на конья; за ними въ слѣдъ пришелъ и Атридъ, повелитель мужей Агамемнонь, еще страдая отъ раны, Антеноровымъ сыномъ ему нанесенной.

**ПРИВѢЩЕНІЕ АХИЛЛЕСА
СЪ АГАМЕМНОНОМЪ.**

Когда всѣ Ахейцы сошлись на собранье, Ахиллесъ, ставъ между ними, сказалъ: «Царь Агамемнонь! въ горь нашемъ забудемъ, что было прежде! О, для чего Артемида не пронзила стрѣлою дѣву, ксторую я, разоривши Лирнеесъ, выбралъ себѣ между плѣнными! Не легло бы столько героевъ нашихъ! Гекторъ и Троянцы не веселились бы гнѣ-

вомъ моимъ! — Теперь я рѣшительно гнѣвъ оставляю и всякую вражду! Веди насъ скорѣе на Троянъ! Хочу испытать, еще ли они намѣрены при нашихъ судахъ ночевать!» —

Радостныя восклицанія Аргивянъ наполнили воздухъ. Царь Агамемнонъ всталъ, но на средину не вышелъ, а у своего мѣста стоя, сказалъ: «Друзья! Вставшаго надобно слушать и не заглушать шумнымъ говоромъ рѣчей его. Слушайте всѣ, какъ я объясняюсь съ сыномъ Пелея. Часто винили меня Ахейскіе мужи, часто и самъ я горевалъ о моемъ проступкѣ, но виновенъ я не былъ. Юпитеръ, и Судьба, и мрачная Эриннисъ потемнили мнѣ умъ, въ тотъ злополучный день, когда я отнялъ у Пелида награду. Всему виновата богиня Обида, которая, не касаясь земли, по головамъ человѣческимъ ходитъ. Когда Гекторъ истреблялъ сыновъ Греціи у судовъ корабельныхъ, самъ не могъ я

забыть меня ослѣпившей Обиды. Теперь я хочу загладить свое прегрѣшенъе, и дамъ тебѣ, Пелидѣ, все чего пожелаешь. Воздвигнись, храбрый, на бой! а прежде слуги мои принесутъ тебѣ дары, которые отъ меня предлагалъ тебѣ Одиссей, и ты посмотри ихъ.

«Славный Атридѣ! отвѣчалъ Ахиллесъ, ты властенъ прислать мнѣ дары примиренья, или удержать ихъ, мнѣ все равно! Но помыслимъ о битвѣ, что медлить? что время тратить? пусть увидятъ Ахилла опять впереди, и кто хочетъ, за нимъ на врага.

Но многоумный Одиссей возразилъ Пелиду: Нѣтъ, безсмертнымъ подобный Ахиллесъ! не веди Ахеянъ голодныхъ на битву! вели имъ прежде насытиться въ станѣ хлѣбомъ и виномъ, тогда въ нихъ духъ будетъ бодръ и крѣпокъ, и выдержать бой они могутъ. Покуда же будутъ готовить обѣдъ, пусть повели-

тель мужей Агамемнонъ представить дары предъ собранье, чтобы видѣли ихъ всѣ Данаи, а потомъ тебя угостить въ кушѣ своей. — Ты, Ахиллесъ, будь къ нему благосклоненъ, а ты могучій Агамемнонъ, впередъ и къ другому Ахейцу справедливѣе будь. Властелину нѣтъ униженія примиряться съ тѣмъ, кого оскорбилъ онъ. — Радуюсь, слушалъ я тебя, Лаэртидъ! отвѣчалъ Агамемнонъ, и готовъ все тобою сказанное исполнить. — Помедли, Пелидъ, и вы всѣ Ахейцы, помедлите! взгляните на дары, которые съ моихъ кораблей принесетъ самъ Одиссей, съ избранными имъ же благородными юношами. — А ты, Талейбій, скорѣе, найди въ станѣ веоря, и уготовь на закланіе Зевсу и Солнцу.» —

Ахиллесъ отвѣтствовалъ Атриду: «Послѣ, когда воротимся съ битвы, вамъ лучше о пищѣ заботиться, теперь передъ нами лежатъ мертвецы, побитые Гек-

торомъ. Уготовьте пиръ, когда отмстимъ поруганье. Мнѣ ни какое питье, ни какая пища въ уста не пойдетъ, пока бездыханный другъ мой будетъ лежать среди моей кущи. Въ мысляхъ у меня не ѣда, а битва и кровь и стоны враговъ умирающихъ!» — Но умный Одиссей, укрощая его, сказалъ: «Пелидъ, величайшій воитель Ахейскій! ты знаменитѣе меня и сильнѣе, но я долѣе твоего жилъ и въ совѣтахъ поопытнѣе. Послушайся меня теперь: Ахейцы не голодомъ должны крушиться о своихъ мертвыхъ! нашъ долгъ, поплакавши день надъ умершимъ, сохранять твердость въ душъ, и оставшемуся въ живыхъ подкрѣпить себя питьемъ и ѣдою.»

Такъ сказавши, взялъ съ собою сыновъ Нестора, и Меріона, Мегеса, Ооаса, Меланина, Ликомеда и поспѣшилъ къ царю Атриду въ сѣни. Тамъ взяли они семь треножниковъ, двадцать блестящихъ лаханей, двѣнадцать коней, семь

дѣвъ непорочныхъ, искусныхъ работницъ и осьмую румяную Бризеиду. Одиссей, отвѣсивъ десять талантовъ золота, шель впереди, за нимъ слѣдовали юноши съ другими дарами; всѣ ихъ передъ собраньемъ положили. Тогда Агамемнонъ всталъ, Талѣибій, держа руками веоря, подошелъ къ владыкѣ народа, царь Агамемнонъ, произнесши во всеуслышанье клятву, мечемъ своимъ веоря отсекъ гортань, а Талѣибій бросилъ жертву въ глубину моря.—Тогда задумчивъ всталъ Ахиллесъ и сказалъ Данаямъ: «Зевсъ! жестокія бѣды насылаешь ты мертвымъ! Если-бъ не ты захотѣлъ, никогда бы не наполнилось сердце мое гнѣвомъ на Агамемнона; никогда бы и онъ оскорбить меня не помыслилъ! Но спѣшите, други, къ завтраку, а послѣ къ сраженью!» —

По слову Пелида всѣ разошлись. Мирмидонцы, принявши даръ примиренья, положили ихъ подъ кущей ге-

роя; Бризеида, увидя Патрокла, съ воплемъ бросилась на мертваго и громко рыдала и плакала. Стенали и прочія жены, казалось, о мертвомъ, но больше о собственномъ горѣ. —

Между тѣмъ, всѣ старѣйшіе вожди Ахейнъ, пришедши, уговаривали Ахилла укрѣпиться пищей. Со стономъ отвергалъ ихъ Ахиллесъ: «Други, молю васъ, не просите меня! я ѣсть не могу, жестокая горестъ меня раздражаетъ.» Вожди разошлись, съ Нелидомъ остались оба Атрида, Одиссей, Несторъ, Идомей и Фениксъ. Напрасно они его утѣшали, онъ думалъ только объ одномъ Патроклѣ. «Какъ часто, другъ, ты самъ спѣшилъ заботливо принести мнѣ поѣсть, узнавши, что войско готовится къ сраженію! Теперь лежишь ты здѣсь, убитый! и сердце мое кромѣ тоски по тебѣ, никакой пищи не приметъ! большее горе не могло поразить меня! даже если бъ узналъ я 9

смерти отца, бѣднаго старца, лишеннаго помощи сына, ради презрѣнной Елены! Даже если бѣ услышалъ о смерти сына, прекраснаго моего Неоптолема! Прежде надѣялся я, что умру здѣсь одинъ вдали отъ отечества, но что ты возвратишься, привезешь изъ Скироса сына моего въ домъ, покажешь ему все наше владѣнье, и мои сокровища! Пелея вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ, думаю, что онъ грустный умеръ, ожидая губительной вѣсти о погибшемъ сынѣ.» — Такъ говорилъ онъ и плакалъ; кругомъ его плакали всѣ вожди, вспоминая о томъ, что оставили милаго дома. — Зевсъ съ высоты глядя на Пелида, милосердствовалъ о немъ и сказалъ Палладѣ-Аѳинѣ: «Или ты, совсѣмъ перестала заботиться о Пелидѣ? Вотъ онъ одинъ сидитъ при корабляхъ и плачетъ о другѣ. Всѣ Аргивяне пищу вкушаютъ, онъ одинъ остается голоденъ и тощъ. Поди! и свѣтлымъ

нектаромъ и амврозіей ороси ему грудь, чтобы не изнемогъ онъ въ горѣ.

Быстро, какъ орелъ ширококрылый, съ неба слѣтѣла Аѳина. Тою порою Ахейцы всѣ вооружались въ станъ. Незримо самому Ахиллесу богиня оросила грудь его нектаромъ и сладкой амврозіей, и опять воротилась къ Зевесу. Словно какъ густой валится снѣгъ, несомый вѣтромъ, такъ валили отъ кораблей сонмы Ахейцевъ. Земля дрожала подъ стопами ратныхъ мужей. Пелидъ ополчался посреди ихъ. Зубы его скрежестали отъ гнѣва, какъ пламень свѣтился глаза, но грусть раздирала сердце. — Онъ облекся дарами Гефеста, прежде всего положилъ на быстрыя ноги поножи, застегнутые серебряной пряжкой; потомъ надѣлъ на грудь латы, бросилъ мечъ на плечо; взялъ огромный щитъ, отъ котораго, какъ отъ мѣсяца, далеко свѣтъ разливался. Наконецъ надѣлъ шлемъ, и какъ звѣзда

сіялъ надъ головою шлемъ и грива золотая на немъ волновалась. Вооружась такимъ образомъ, сталъ Ахиллесъ испытывать легки ли доспѣхи?— свободно ли членамъ въ нихъ? — и доспѣхи какъ крылья, словно подымали его. Тогда досталъ онъ ясеновое копье отца своего Пеллида, никто изъ героевъ Ахейскихъ двигать его не могъ; Ахиллесъ же потрясалъ имъ легко. Между тѣмъ Автомедонъ и Алкимъ снаряжали коней и впрягали ихъ въ красивую колесницу. Взявши въ руки гибкій бичъ, вскочилъ въ колесницу Автомедонъ; сзади, готовый къ сраженію, сталъ Ахиллесъ, какъ Гиперіонъ лучезарный. «Кони мои безсмертные,—крикнулъ онъ грозно отеческимъ конямъ, когда кончимъ мы битву, постарайтесь вывести вашего возницу, и не бросьте, какъ Патрокла, мертвымъ, на полѣ.» — Вдругъ конь его Ксанѳъ, опустивши голову къ землѣ, заговорилъ человѣческимъ голосомъ и сказалъ: «Сегодня

быстрый Целидъ вынесемъ мы тебя живаго! Но день твой послѣдній приближается. Не мы оставили Патрокла, но боги свергли его съ колесницы и дали Гектору славу. Мы готовы летѣть, не уступая въ быстротѣ вѣтру. И тебѣ назначено рокомъ скоро погибнуть.» — Мраченъ и гнѣвенъ отвѣчалъ коню Ахиллесъ: «Что ты пророчишь мнѣ смерть? Я самъ знаю, что суждено мнѣ погибнуть здѣсь далеко отъ отца и отъ матери. Но прежде Трояне насытятся кровавою бранью.» — Сказалъ и съ крикомъ помчался впередъ.

ЖИТВА БОГОВЪ И ЧЕЛОВѢКОВЪ.

На Олимпѣ Зевсъ собралъ всѣхъ боговъ и позволилъ сойти на землю и вступить въ бой, помогая Грекамъ или Троянамъ, какъ кто пожелаетъ. «Если боги не вступятся теперь за Троянъ, говорилъ онъ, то страшусь, чтобы Ахил-

лесь въ гнѣвъ своемъ, не разорилъ Трои,
вопреки судьбамъ. — Услыша такія
слова, боги понеслись проворно на зем-
лю; къ Ахейскимъ судамъ полетѣла
Гера, Паллада-Аѳина, Царь Посейдонъ
и Гермесъ податель полезнаго. За ними
хромая тащился Гефестъ. Къ Троян-
скимъ ратямъ устремили Арей, Фебъ
длиннокудрый, Артемида, ихъ обоихъ
мать Латона, Богъ рѣки Скамандра на
Олимпѣ названный Ксанѳомъ, и Афродита.

Въ то время пока боги не приблизи-
лись къ смертнымъ, Ахеяне, гордые
присутствіемъ грознаго Ахиллеса, бодр-
ствовали, а у Троянъ сердце въ груди
трепетало, глядя на богоподобнаго ге-
роя. Но когда Олимпійцы вмѣшались
между воинами, то свирѣпая Эрида
(богиня распрей) побѣжала между ряда-
ми; грозно вскричала Аѳина, страшно
завылъ Арей, и все воинство распали-
лось взаимной враждой. Сверху грянуль

страшно громами Зевесъ, а землю потрясъ Посейдонъ, такъ, что вершины горы Иды закачались, и Плутонъ въ подземномъ своемъ царствѣ, съ ужасомъ прыгнулъ съ трона, опасаясь, чтобы мрачныя жилища его не открылись смертнымъ. Такъ все взволновалось, когда бессмертные сошлись на брань! Противъ Посейдона сталъ Аполлонъ съ мѣткими стрѣлами; противъ Арея, глубоокая Паллада; противъ Геры, сестра Аполлона, Артемида съ своимъ золотымъ лукомъ, противъ Латоны сталъ Гермесъ, а Гефестъ противъ Скамандра.

Ахиллесъ же въ толпѣ искалъ одного Гектора и съ нимъ однимъ пылалъ сразиться: Аполлонъ, принявъ на себя образъ Ликаона, сына Пріамова, послалъ противъ него Энея, вдохнувъ ему отважность и мужество. Гера увидѣла Энея идущаго впередъ противъ Пелида и, поспѣшно созвавши боговъ, сказала имъ: «Царь Посейдонъ и ты Аѳина-Паллада

размыслите, что изъ этого будетъ? Видите, какъ наученный Аполлономъ Эней идетъ противъ Пелида? Мы для того всѣ съ неба сошли, чтобы сегодня остался Пелидъ невредимъ; скоро претерпитъ онъ все, что ему непреклонная Участь (Парка) выпряла нитью при его рожденіи. Кому нибудь изъ насъ должно немедленно идти къ нему на помощь или удалить отъ него Анхизидъ.» — Опомнись Гера, отвѣчалъ ей Посейдонъ. Намъ не прилично сходить въ битву не только съ людьми, кои съ другими безсмертными. Мы ихъ могуществомъ выше. Лучше отойдемте всѣ и сядемъ на холмъ смотрѣть на сраженіе. Но если Арей начнетъ нападеніе, или Фебъ станетъ препятствовать Пелиду, тогда сойдемъ и мы, и заставимъ безсмертныхъ скрыться опять на Олимпъ.» — Такъ говоря черновласый царь пошелъ къ валу, Геракла насыпанному въ честь Герою Троянами и Аѳинной, для охраненія города отъ

волнъ морскихъ. Тамъ возсѣлъ Посейдонъ и съ нимъ прочіе боги, одѣвшись густымъ, непроницаемымъ облакомъ. Напротивъ повершинамъ Калликолонскимъ разсѣлись около Аполлона и Ареса другіе небожители и всѣ вмѣстѣ думали мрачную думу, готовые вступить въ бой.

Все поле наполнилось ратью, задрожала земля отъ множества воиновъ; два знаменитые мужа вышли на средину, пылая сразиться: Эней, сынъ Анхиза и Пелеевъ Ахиллесъ. Страшно качался тяжкій шлемъ на главѣ Анхиза, щитъ держалъ онъ передъ грудью, и потрясалъ длиннымъ копьемъ. Молодому, разъяренному льву былъ подобенъ Пелидъ; сверкая взоромъ, закричалъ онъ Энею: «Зачѣмъ выступаешь ты изъ толпы, Эней? Или надѣешься что убьешь меня и получишь въ награду наслѣдство Пріама? Но у старика сыновъ много и безъ тебя! Не обѣщали ли тебѣ Трояне,

богатый удѣлъ, если меня одолѣешь? Тяжелъ, кажется, подвигъ! видно ты забылъ, какъ бѣжалъ однажды отъ копья моего! Забылъ, какъ однажды гналъ я тебя по Идейскимъ горамъ? Ты бѣжалъ отъ меня безъ оглядки и спрятался въ стѣнахъ Лирнееса. Но я въ прахъ разорилъ городъ, множество женъ по-лонилъ, а тебя спасъ Зевесъ отъ руки моей. Теперь тебя не спасетъ онъ, лучше прими мой совѣтъ, скройся въ толпу и передо мною стоять не отваживайся!» — Эней отвѣчалъ Ахиллесу: «Напрасно ты меня какъ младенца, словами думаешь застращать; я говорить такъ умѣю. Мы другъ друга знаемъ: Ты сынъ морской Нимфы Ѳетиды, я же сынъ Афродиты и правнукъ, по отцу, самаго Зевеса. Что же намъ среди поля рѣчамъ другъ друга оскорблять, мы не дѣти! Извѣдай лучше остро ли копье мое!» — Сказалъ и всею силою бросилъ копье свое въ противника. Громко зазвенѣлъ

щитъ Ахиллеса, двѣ полосы пробило копьѣ, но ихъ три еще оставалось; золотая полоса удержала копьѣ. Ахиллесъ послалъ въ отвѣтъ свою длинную пику, насквозь пробпла она вынуклый задрожавшій щитъ Энея. Стремительно поднялъ Эней вверхъ щитъ свой, а самъ пригнулся къ землѣ. Пика пробивши щитъ, засвистѣла у него надъ спиною и воткнулась глубоко въ землю. Въ глазахъ у героя потемнѣло, когда увидѣлъ онъ какъ близко былъ отъ смерти. Ахиллесъ же, крикнувши страшно, выхватилъ мечъ свой и бросился на Энея; Эней поднялъ огромный камень и если бы только дотронулся имъ до щита или шлема Пелеева, то разстался бы навѣрное съ душею своею. Но Посейдонъ увидѣлъ неминуемую гибель Энея: жаль будетъ Энея, сказалъ онъ быстро Геръ, если онъ погибнетъ покорствуя вельнію Оеба, и Зевсъ можетъ за то раздражиться; онъ присудилъ роду Энея

царствовать надъ Троянами, сынамъ, сыновъ его: рѣшимся же спасемъ его отъ гибели.» — Быстро, отвѣчала ему, Гера: «Рѣшайся самъ, Посейдонъ! мы съ Палладой клялись не помогать никогда Троянамъ!»

Разговоръ боговъ продолжался менѣе, чѣмъ мигъ. Посейдонъ устремился къ мѣсту битвы и разливъ черный мракъ передъ глазами героя Пелида вытащилъ изъ земли ясень его и положилъ передъ его ногами; а Энея мощной рукою по воздуху перебросилъ черезъ все поле и поставя на самомъ дальнемъ концѣ, такъ ему говорилъ: «Кто изъ безсмертныхъ ослѣпилъ тебя, Эней, что ты осмѣлился сражаться съ любимцемъ боговъ? Если не хочешь, вопреки судьбѣ, сойти въ Аидъ, убѣгай его. Сражайся смѣло послѣ, когда Ахиллесъ роковаго предѣла достигнетъ.» — Сказавши такія слова, оставилъ Посейдонъ Энея и разсѣялъ чудесный облакъ, покрывавшій

глаза Ахиллесу. Ахиллесъ ясно прозрѣвъ и кругомъ оглянувшись, гнѣвно вздохнулъ и сказалъ своему благородному сердцу: боги, видно и Анхизидъ вамъ любезенъ! пусть онъ скитается! больше со мною не посмѣетъ сразиться.» — Потомъ прынулъ въ ряды Аргивянъ и возбуждалъ ихъ своимъ восклицаніемъ. Гекторъ ободрялъ Троянъ, самъ же спѣшилъ итти противъ Ахиллеса, но Фебъ, явившись ему, запретилъ выходить изъ толпы, и показываться даже изъ-дали Ахиллесу.

Сынъ Пелея какъ буря, низпровергалъ все что ему ни встрѣчалось. Перваго поразилъ Иѳтіона, воеводу сильныхъ дружинъ; потомъ Антенерову сыну Демолеону пронзилъ голову своей пикой; за нимъ въ слѣдъ билъ Гипподамаса; потомъ Памона, сына Пріамова. Когда Гекторъ увидѣлъ умирающаго юношу брата, то свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ его и, забывъ приказаніе Феба, бросился онъ

противъ Ахиллеса. Ахиллесъ увидя, какъ Гекторъ колеблетъ свѣтящееся копье свое, съ гордою радостью вскрикнулъ: «Вотъ человѣкъ, разтерзавшій мое сердце; ближе приди, Гекторъ; скорѣе къ роковому предѣлу!» — Не смущаясь, отвѣчалъ ему Гекторъ: Сынъ Пелеевъ! знаю, сколько тебя я слабѣе, но у боговъ еще лежитъ на вѣсахъ, не я ли тебѣ гордую душу исторгну! И мое копье остро!» — Сказалъ и пустилъ копье, но Аѳина духомъ отшибла его отъ Пелида и прилетѣвши назадъ упало оно къ ногамъ Гектора. Ахиллесъ бросился на Гектора, но Θεбъ Аполлонъ быстро осѣнилъ героя мракомъ глубокимъ. Три раза ударялъ Ахиллесъ огромнымъ копьемъ и три раза вонзалъ его въ глубокой мракъ. Но въ четвертый, налетѣвши, страшнымъ голосомъ вскричалъ: «Опять ушелъ ты отъ смерти, пѣсь! ты привыкъ молить Θεба и Θεбъ тебя избавляетъ; еслижъ

и мнѣ есть кто изъ боговъ покровитель, то скоро я съ тобою раздѣлаюсь?»

Сказалъ и пошелъ на другихъ, и вокругъ него заструилось кровью черное поле. Какъ земледѣлецъ, когда молотитъ на гумнѣ, стираются быстро колосья, такъ кони Пелидовы топтали безсчетные труны, сраженные героемъ; забрызгался кровью весь высокій полкругъ колесницы, какъ дождь брызги летѣли и крушилъ Пелидъ враговъ безъ милости и сожалѣнья.

СРАЖЕНИЕ АХИЛЛА СЪ РОЖОЮ СКАМАНДРОМЪ.

Обращенные въ бѣгство Трояне и преслѣдующій ихъ Ахиллъ достигли до береговъ Скамандра. Здѣсь разрѣзалъ ихъ Пелидъ на двѣ части: одни устремилсъ было обратно къ городу тѣмъ же полемъ, на которомъ вчера еще торжествовалъ Гекторъ, но Юнона разсы-

пала предъ глазами ихъ туманъ , заграждая имъ путь. Другіе же, тѣсняясь къ берегу, обрывались и падали въ рѣку; высоко и шумно заплескали волны отъ ихъ паденія , а Трояне крутились въ нихъ подобно саранчѣ, которая вдругъ отъ зажженныхъ на полѣ огней устремляется въ воду. Рѣка наполнилась и волнами и конями ихъ. Пелидъ , прислонивъ копье свое къ вѣтвямъ мирки съ мечемъ въ рукахъ сталъ рубить Троянцевъ ; вода обогрѣлась кровію и смертные стоны далеко разносились. Когда рука его утомилась отъ убійства, тогда онъ вывелъ 12 юношей изъ рѣки и передалъ ихъ почти безчувственныхъ отъ страха своимъ Мирмидонцамъ, чтобы закласть ихъ при погребеніи Патрокла.

Алкая новыхъ убійствъ, Ахиллъ бросился было опять къ потоку , но остановился , увидя выходящаго на берегъ Ликаона, Пріамова сына. Во время одного нападенія, Ахиллъ увлекъ этого юношу

изъ саду, гдѣ онъ обтесывалъ вѣтви смококницы на ободья для своей колесницы; на одномъ изъ Ахилловыхъ кораблей онъ былъ. отосланъ на островъ Лемность и проданъ Эвнеею, сыну Язону. У Эвнея перекупилъ Ликаона Геэтионъ, владѣтель Имбрскій, за большую цѣну, и отослалъ его въ Арисбу, но юноша нашелъ средство бѣжать оттуда и возвратился въ Трою; здѣсь онъ пробылъ только 11 дней, и снова попался Ахиллу, который говорилъ самъ себѣ, глядя на юношу: «Боги! какое чудо я вижу! Не ужели и всѣ другіе, убитые мной Трояне также выдутъ опять изъ подземнаго мрака, какъ этотъ сынъ Пріамовъ, котораго я отослалъ въ Лемность? Пусть же теперь испытаетъ онъ остріе коня моего! посмотрю я, отдастъ ли также земля мертвецовъ своихъ, какъ возвращаетъ ихъ море?» Но прежде нежели Ахиллъ взялся за коня, Ликаонъ, упавъ къ ногамъ его, схватился одною ру-

кою за это страшное оружіе, а другою об-
нялъ его колѣна. «Пощади меня, Ахиллъ»
воскликнулъ Ликаонъ, «ты уже полу-
чилъ за меня цѣну ста тельцовъ, а те-
перь дамъ за себя тройной выкупъ.
Только одиннадцать дней прошло съ
тѣхъ поръ, какъ я возвратился въ Трою
послѣ тяжкаго плѣна, но видно Зевесъ
осудилъ меня на гибель, когда опять
предалъ меня въ твои руки! Не умерщ-
вляй меня: я сынъ Лаонои и не родной
братъ Гектору, который убилъ твоего
друга!» Мрачно взглянулъ Пелидъ на
юношу и сурово отвѣчалъ ему: «Не го-
вори мнѣ о выкупѣ, безумецъ! сердце
мое было склонно къ милости, прежде
смерти Патрокловой, но теперь ты не
избѣжишь смерти. Умри же, другъ? Не
смотри на меня такъ жалостно. Пат-
роклъ также умеръ, смертный, несрав-
ненно тебя превосходящій. Знай, что
и самъ я въ цвѣтъ силъ моихъ не из-
бѣгну воли судьбы, и меня постигнетъ

смерть утромъ ли, или въ полдень, или въ вечеру. Тогда Ликаонъ выпустилъ изъ рукъ копье, сълъ, распростря свои руки и принялъ въ шею ударъ меча. Ахиллъ, взявъ за ногу убитаго, бросилъ его въ потокъ, воскликнувъ съ насмѣшкою: «посмотримъ, спасетъ ли теперь тебя Скамандръ, которому Трояне столько приносили жертвъ.»

Божественный Скамандръ, державшій сторону Троянъ, былъ раздраженъ этою дерзкою рѣчью; онъ сталъ волноваться думами, какъ бы удержать ужаснаго Ахилла и спасти Троянъ, искавшихъ въ немъ спасенія. Въ это время Ахиллъ бросилъ копье въ Астеропса, сына Пелегонова, который выходилъ изъ рѣки противъ него съ двумя дротами; Скамандръ, негодуя за безпощадное убійство, производимое Ахилломъ, вдохнулъ мужество въ этаго вождя Пеонянъ. «Кто ты таковъ! вскричалъ Пелидъ, ты, отваживающійся мнѣ противиться! Горе ро-

дителямъ , которыхъ дѣти со мною встрѣчаются ! Астероной отвѣчалъ ему: «для чего ты спрашиваешь меня о родѣ моемъ ? Я внукъ божественнаго потока Аксія, давшего жизнь Пелегону , отцу моему. Бывъ союзникомъ Пріаму назадъ тому двѣнадцать дней, пришелъ я въ Трою съ моими Пеонянами. Выходи же теперь на битву, гордый Ахиллъ!» Пелидъ поднялъ копье, но Пеонецъ уже бросилъ въ него оба дрота , пбо онъ могъ дѣйствовать и правою и лѣвою рукою. Первый вонзился въ щитъ Пелидовъ, но остановился, не пробивъ золотого листа, другой пролетѣлъ мимо локтя правой руки и ссадилъ кожу, такъ что полила кровь. Ахиллъ бросилъ копье въ Астероная, но оно, миновавъ его , вонзилось до половины въ землю. Три раза пробовалъ Астероной сильною рукою извлечь его, но напрасно ; въ четвертый разъ снова онъ нагнулся, но тутъ Ахиллъ пронзилъ его мечемъ въ

чрево и вождь Пеонянь упалъ мертвый на землю. Пелидъ снялъ съ него доспѣхъ ратный, а тѣло опять бросилъ въ рѣку на съѣденіе угрямъ. Пеоняне въ страхъ бѣжали вдоль берега, онъ бросился за ними; шестерыхъ повергъ на землю и все еще хотѣлъ продолжать убійство, но Скамандръ, гнѣвный богъ потока, въ человѣческомъ образѣ возникнулъ изъ волнъ, и воззвалъ къ истребителю: «Пелидъ! твои дѣянія выше человѣческихъ, волны мои едва могутъ течь отъ труповъ, сраженныхъ тобою Троянь, но теперь остановись, или свирѣйствуй въ полѣ. Ты богъ, отвѣчалъ Ахиллъ, и потому повинуюсь тебѣ; но рука моя только тогда опуститъ мечъ, когда я вгоню Троянь въ городъ и сражусь съ самимъ Гекторомъ.» Тутъ снова бросился онъ за бѣгущими, снова бѣжали они въ воды Скамандра и Ахиллъ, забывъ запрещеніе бога, прыгнулъ туда за ними. Забушевала рѣка

и яростно поднимая волны съ глухимъ плескомъ начала извергать трупы на берегъ, и водный прибой налегаль сильно на щитъ Ахилловъ; побѣдитель пошатнулся, ухватился за растущій на берегу толстый вязъ, но корень этого дерева, подмытъ былъ водою и оно опрокинулось съ частию берега и легло въ потокъ, достигая вершиною своею другаго берега. Ахиллъ выскочилъ изъ пучины и побѣжалъ по полю, но Скамандръ, вылившись, ударилъ вслѣдъ за нимъ черноголовымъ валомъ, который стремительно текъ за нимъ. Пелидъ нѣсколько разъ хотѣлъ обратиться назадъ, но волны хлестали его по плечамъ и били подъ ноги; и въ трепетъ возопилъ онъ къ отцу боговъ: «О, Зевесъ! неужели никто изъ боговъ не захочетъ спасти меня отъ гибели? Стало быть мать моя обманула меня, сказавъ, что я умру отъ стрѣлы бога Феба? Лучше бы мнѣ было пасть отъ руки Гекто-

ра, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ! Но теперь я погибну безъ славы, какъ молодой свинопасъ при переходѣ черезъ потокъ, усилившійся отъ осеннихъ дождей.»

Ахиллъ замолчалъ; внезапно ему явились Посейдонъ и Аѳина въ человѣческомъ образѣ, взявъ его за руки, стали утѣшать его, говоря, что не этою смертию назначено ему погибнуть. Потомъ удалилися боги, но Аѳина укрѣпила снова силы своего героя. Высоко скакалъ онъ и почти уже уходилъ отъ рѣки, но Скамандръ, негодуя по прежнему, сталъ призывать на помощь къ себѣ, брата своего Симонса: «Братъ мой любезный, помоги мнѣ обуздать неистовство этого мужа, иначе онъ сего дня же разрушитъ Трою! Помоги, бери съ собою горные ручьи, подземные ключи! Выше поднимай волны, такъ чтобы онъ камни отъ кручи береговъ отрывали! Тогда ни сила его ни дивный доспѣхъ не спасутъ Ахилла: Похороню его

на днѣ моемъ; замечу тиной, иломъ и мелкимъ пескомъ; напрасно Аргивяне будутъ искать костей его; зарю его у себя и Данаямъ не нужно будетъ насыпать ему надгробнаго холма!» Послѣ этого воззванія яростный Ксанъ снова устремился за Пелидомъ, клопоча и бушуя, хлестая въ него и кровавой пѣной и волною и выбрасывая за нимъ трупы убитыхъ. Выше и выше воздымались ярыя волны потока, нѣсколько далѣе Симоисъ поднимался...

Видя все это, сама Юнона громко вскрикнула отъ страха и поспѣшно обратилась къ Гефесту: милый, хромоногій сынъ мой, сказала она ему, только твой подземный огонь остановитъ эту рѣку. «Помоги Пелиду! а я воздвигну и западный вѣтеръ и южный, чтобы они несли огонь на Троянъ. Истребляй деревья на берегу и изсуши самый потокъ. Не смягчайся просьбами и не щади угрозъ! Скорѣе чтобъ шелъ огонь на воду!» Ге-

Фестъ возжегъ на полѣ пламя и сначала огонь поналилъ траву и сожегъ тѣла убитыхъ Троянъ. Поле изсохло и воды стали течъ медленнѣе. Далѣе стали горѣть растущія по берегу вязы, ивы, мирики и тростникъ; затомившіяся рыбы стали нырять туда и сюда въ глубинѣ водъ. Наконецъ рѣка заклокотала въ берегахъ, и тогда богъ Скамандръ воскликнулъ умоляющимъ голосомъ: Сильный богъ огня, я не буду болѣе тебѣ противиться и отрекаюсь помогать Троянамъ!» Такъ говорилъ онъ, а воды его все убывали отъ жара, и Скамандръ возопилъ наконецъ къ матери боговъ: «Гера! за что сынъ твой Гефестъ, такъ жестоко мучить меня? Не ужели я виновнѣе предъ тобою, нежели прочіе боги, помогающіе Троянамъ. Теперь въ угодность тебѣ я буду спокоенъ, только дай пощаду!» Тогда Юнона сказала своему сыну: «Полно, Гефестъ! укроти свой огонь: не должно за смертныхъ людей

такъ долго мучить безсмертнаго бога.» Гефестъ повиновался, укротилъ пламень, и снова заструились волны Скамандровы, и дальній Симоисъ сравнялся въ берегахъ своихъ.

СРАЖЕНІЕ БОГОВЪ.

Въ сердцахъ другихъ боговъ закипѣла свирѣлая злоба; съ шумной тревогой бросились они въ битву, воздухъ огласился какъ бы звукомъ трубъ и земля застонала. Зевсово сердце затрепетало отъ радости, когда онъ увидѣлъ безсмертныхъ, готовящихся къ исполинской битвѣ. Богъ войны первый выступилъ съ копьемъ своимъ противъ Паллады-Аѳины и сталъ говорить ей обидныя рѣчи: «ты, безстыдная муха, ты своими смутами выводишь боговъ на сраженіе. Помнишь какъ ты возбудила Тидида ранить меня и сама на-

правила блестящее копье его въ мое бессмертное тѣло? Теперь за все мнѣ заплатишься неукротимая!»

Такъ говорилъ Арей и бросилъ копье въ эгидъ, закрывавшій богиню, она уклонилась отъ удара и подхвата большою дикою каменью, лежавшею тамъ на полѣ бросила его въ шею бога брани и поразила его такъ сильно, что онъ упалъ на землю, звеня мѣдною своею броней, и тѣло его заняло собою семь десятинъ. Божественные кудри его покрылись прахомъ; улыбнулась глядя на него Аѣина и сказала ему: «безумный! или доселѣ не понималъ ты сколько я превосхожу тебя силою, а ты отважился бороться со мною! Тебя бременить проклятіе матери твоей Геры, она преисполнена на тебя гнѣва за то, что ты не помогаешь Грекамъ и защищаешь Троянъ вѣроломныхъ.» Окончивъ рѣчь свою, Аѣина отвратила отъ него божественные, блестящіе свои взоры. Арей

едва могъ собраться съ духомъ и тяжело стоналъ отъ боли; Афродита, взявъ его за руку, повела вонъ изъ сраженія, но богиня Гера увидѣвъ ихъ идущихъ вмѣстѣ, обратилась къ Палладѣ, говоря ей: смотри какъ смѣло эта богиня слабыхъ женъ уводитъ изъ битвы губителя смертныхъ, Арея. Скорѣе, скорѣе, преслѣдуй ихъ! Дочь Зевесова исполнила повелѣніе богини и сильной рукою поразила въ грудь нѣжную богиню, которая упала на землю, увлекши съ собою въ паденіи Арея. «О если бы такъ было со всѣми, кто защищаетъ Троянъ, воскликнула побѣдительница, давно бы Троя стала грудой развалинъ и для всѣхъ насъ наступило бы время покоя!» Улыбка показалась и на устахъ Геры, удивля, что сдѣлала Аѳина и слыша слова ея. Тогда колебатель земли, Посейдонъ, сталъ говорить Аполлону: «Фебъ! что же мы стоимъ въ отдаленіи, въ то время, когда другіе начали уже

битву? Постыдно будетъ для насъ возвратиться на Олимпъ, не извѣдавъ силъ нашихъ. Ты начинай; ты моложе. Что же медлишь? Позабылъ ты сколько мы уже претерпѣли за Трою? Сколько времени по волѣ Зевеса помогали мы гордому Лаомедону въ строеніи стѣнъ ея и какъ были имъ обижены въ платъ? Ты забылъ это и, можетъ быть, потому не помогаешь намъ въ разореніи города. Нѣтъ! пусть погибнетъ народъ гордаго и вѣроломнаго Лаомедона!» «Повелитель морей», отвѣчалъ Аполлонъ, «ты самъ почелъ бы меня лишеннымъ разсудка, если бы я сталъ сражаться съ тобою за ничтожныхъ смертныхъ, которые, подобно листьямъ сѣгодня красуются, а завтра лежатъ во прахъ.» Фебъ страшился вступить въ бой съ братомъ отца своего, но Артемида услышавъ такія рѣчи начала стыдить брата: «Ты бѣжишь отъ боя, говорила она ему, ты уступаешь Посейдону побѣду? Для чего

же ты носишь лукъ свой? Развѣ какъ дѣтскую игрушку?» Жестоко раздражилась Гера на Артемиду и стала говорить ей обидныя рѣчи: «и ты, безстыдная, гордясь лукомъ своимъ, и ты дерзаешь мнѣ противиться? Лучше бы тебѣ было поражать въ лѣсахъ оленей и дикихъ козъ, нежели идти противъ бессмертныхъ! За дерзость твою ты будешь наказана моею жъ рукою.» Сказавъ это Юнона вдругъ схватила лѣвой рукой обѣ Артемидины руки, а правою сорвавъ съ плечь ея колчанъ со стрѣлами начала имъ бить по ушамъ Артемиду, которая старалась только отворотить лице свое, а стрѣлы всѣ разсыпались по полю. Наконецъ она вырвалась отъ Юноны и убѣжала въ слезахъ, уподобляясь голубкѣ, преследуемой ястребомъ. Мать ея Латона, поспѣшила было на помощь къ обиженной Артемидѣ, но Гермесь повстрѣчался ей на дорогѣ и она остановилась. Тогда Гермесь сказалъ ей: «съ тобой Латона,

я не буду сражаться : опасно начинать битву съ женами, любезными Громовержцу. Отнынѣ, въ кругу безсмертныхъ, ты можешь хвалиться, что меня побѣдила.» Такъ сказалъ онъ и Латона спѣшила подобрать дочернины стрѣлы и колчанъ ея, валяющійся въ пыли, а потомъ удалилась вслѣдъ за нею на Олимпъ. Тамъ плачущая Артемида съшла на колѣни отца своего и одежда ея, проникнутая запахомъ амврозіи трепетала на ней, отъ гнѣва, волнующаго грудь ея. Юпитеръ нѣжно обнялъ огорченную богиню и спросилъ : « Кто изъ боговъ осмѣлился оскорбить тебя, нѣжная дочь моя? Родитель, отвѣчала Артемида, супруга твоя сдѣлала это, Гера, которая между всѣми богами раздоръ поселяетъ. » Тутъ Зевесъ улыбнулся и сталъ говорить ей ласковыя рѣчи.

Между тѣмъ Фебъ вошелъ въ городъ Пріамовъ, опасаясь, чтобы Данаи вопреки судьбѣ, въ тотъ же день не разрушили

Трои. Прочіе боги возвратились на Олимпъ, одни полные радости отъ побѣды, другіе съ чувствомъ стыда и гнѣва и всѣ окружили Отца своего, Зевеса.

**АХИЛЛЪ И ТРЕТОРЪ
ШЕРЕДѢ ВОРОТАШЕ ТРОИ.**

На самой высокой городской башнѣ стоялъ съдовласый царь Пріамъ и смотрѣлъ оттуда на могущественнаго Пеліда, гнавшаго бѣгущихъ Троянъ и не было имъ защитника ни изъ смертныхъ, ни изъ боговъ. Жалостно рыдая, поспѣшилъ старецъ сойти съ башни и далъ повелѣніе стражамъ городскихъ воротъ, отворить ихъ для бѣгущихъ. Держите оба затвора, сказалъ Пріамъ, пока всѣ наши войдутъ въ городъ и укроются отъ ярости гонящаго ихъ Ахилла, но когда войдутъ, то затворите скорѣе, чтобы этотъ губитель не ворвался за ними. Стражи отодвинули засовы, от-

ворили створы воротъ и спасительный входъ былъ отверстъ.

Истомленные жаждою, покрытые пылью, поднимавшеюся съ полей, Трояне бѣжали къ воротамъ, а Пелидъ такъ неистово ихъ преслѣдовалъ! Фебъ оставилъ городъ, желая отвратить напасть отъ сыновъ Трои, и вдохнулъ мужество въ Агенора, сына Антенорова; самъ же закрывшись темнымъ облакомъ, сталъ недалеко отъ него, возлѣ буковаго дерева. Агеноръ находился посреди бѣгущихъ, но вдругъ остановился и сталъ размышлять самъ въ себѣ: «Тотъ, кто тебя преслѣдуетъ, Агеноръ, развѣ не такой же человекъ, какъ и другіе? развѣ тѣло его нельзя пронзить оружіемъ? не также ли онъ смертенъ, какъ и другіе?» Такъ размысливъ самъ въ себѣ, Агеноръ безтрепетно сталъ ожидать приближающагося Ахилла, оградилъ себя щитомъ и наконецъ воскликнулъ къ нему, потрясая копіемъ: не надѣйся

Пелидъ, нынѣ разрушить Трою. «еще есть у насъ мужи, готовые сразиться за женъ, дѣтей и старцевъ!» Тутъ бросилъ онъ копье свое въ берцо ноги Ахилловой, которое ударилось въ оловянную поножь героя, и не пронзивъ новой кованн, отскочило назадъ. Ахиллъ бросился на противника, но Аполлонъ закрылъ его облакомъ и самому Пелиду очаровалъ очи, чтобы отвести отъ Трои; самъ же, принявъ на себя видъ Агснора, пошелъ къ равнинѣ, засѣянной пшеницей и лежащей вдоль береговъ Скамандровыхъ. Быстро бросился преслѣдовать его Пелидъ, а между тѣмъ, Трояне счастливо достигли до воротъ и скоро бѣгущія толпы втѣснились въ городъ. Ни одинъ изъ нихъ не поджидалъ другаго, ни одинъ не оглядывался, чтобы увидѣть, кто изъ товарищей палъ и кто спасся; всякій радовался собственному спасенію и тому, что вобрался въ стѣны. Нѣсколько отдохнувъ

воины утолили жажду и потомъ разсыпались по стѣнѣ, склонясь на забрала.

Греки же, поднявъ щиты на плеча, приближались густыми толпами къ стѣнамъ. Изъ всѣхъ Троянъ только Гекторъ остался за Скейскими воротами. Такъ судилъ ему рокъ! Пелидъ все еще гнался за Фебомъ, котораго принималъ за Агенора, но внезапно богъ остановился и обратясь къ нему сказалъ: «Для чего такъ упорно преслѣдуешь ты меня, о Пелидъ! гонясь за мною, ты забываешь истребленіе Троянъ; думая, что преслѣдуешь смертнаго, гонишься за Фебомъ, котораго не можешь убить.» Тутъ открылись глаза Пелидовы и онъ воскликнулъ во гнѣвъ: «коварный богъ! ты отвелъ меня отъ бѣгущихъ Троянъ! еще многіе изъ нихъ пади бы подъ моими ударами прежде вступленія въ Трою. Ты похитилъ у меня славу побѣды и останешься безъ наказанія! Если бы только я могъ, я отомстилъ бы тебѣ.»

Подобно необузданному , бурному коню, Ахиллъ снова обратился къ городу. Пріамъ , снова взошедшій на башню первый увидѣлъ его ; Пелидъ казался подобнымъ блестящему Оріону, гибельному для смертныхъ, по тяжкимъ , насылаемымъ имъ отъ него болѣзнямъ. Пріамъ горестно воскликнулъ и сталъ звать Гектора , стоящаго за воротами и ожидающаго Ахилла. «Милый мой сынъ, говорилъ царь , чего ты ждешь тамъ одинъ, разлученный съ твоими? Ты самъ предаешь себя гибели , ожидая того , кто лишилъ меня уже столькихъ сыновъ. Войди въ городъ, защищай отсюда Троянскихъ мужей и женъ! не умножай смертью твоею громкой славы Ахилловой. Пощади себя для меня, несчастнаго отца твоего, для моего семейства. Меня Зевесъ осудилъ на величайшее горе: видѣть погибель моихъ сыновей , неволю дочерей и невѣстокъ , опустошеніе и дому и царства, и смерть

низвергаемыхъ со стѣнъ младенцевъ. Послѣднимъ погибну я самъ, пронзенный копьемъ у воротъ моего дома; вскормленные мною псы придуть и полизуть кровь мою и унылые сердцемъ лягутъ на порогъ подлѣ моего тѣла!»

Такъ вопилъ старецъ и рвалъ сѣдые свои волосы; Гекуба, стоявшая подлѣ него рыдала и говорила Гектору: сынъ мой, вспомни, что грудь моя вскормила тебя, цощади насъ! отражай ужаснаго Пелида изъ города, но не вступай съ нимъ въ единоборство.

Ни слезы, ни призывы родителей не поколебали Гектора; опершись на щитъ свой онъ стоялъ неподвижно и ждалъ Ахилла. «Въ то время могъ я отступить, говорилъ онъ, когда другъ мой, Полидамасъ, подалъ мнѣ совѣтъ вести рать Троянскую въ городъ. Тогда я не послушался и былъ виною гибели многихъ. Страшусь, что теперь и мужи и жены Троянскіе стануть говорить обо

мнѣ: Гекторъ, понадѣявшись слишкомъ на свои силы, погубилъ почти все воинство. О, лучше мнѣ побѣдить или пасть въ битвѣ. Однако... что, ежели я, сложивъ на землю щитъ и мечъ и прислонивъ копье мое къ стѣнѣ, пойду на встрѣчу къ Пелиду и скажу ему, что возвращу Атридамъ Елену, и всѣ сокровища, какія Парисъ похитилъ вмѣстѣ съ нею и сверхъ того тутъ же придамъ и всѣ наши? Если я скажу ему при томъ, что потребую отъ старѣйшинъ Троянскихъ клятвы, выдать всѣ городскія сокровища, ничего не скрывая и раздѣлю ихъ на двѣ части, одну... Но что говорю я? Какія мысли! мнѣ, безоружному подойти къ Пелиду! не умолимый убьетъ меня какъ женщину! Нѣтъ, теперь не время вступать съ нимъ въ мирные разговоры, какіе можетъ вести только юноша съ молодою дѣвицей. Нѣтъ, начнемъ битву и посмотримъ, кому боги даруютъ побѣду!»

СМЕРТЬ ГЕКТОРА.

Ближе и ближе подходилъ Пелидъ, уподоблясь грозному богу войны; на правомъ плечѣ его перегибалось страшное копьѣ изъ ясеня горы Пеліона, мѣдная броня блистала какъ расплавленный огонь, или какъ восходящее солнце. Невольно утѣшилъ его Гекторъ, не устоялъ на мѣстѣ и побѣжалъ отъ воротъ; Ахиллъ погнался за нимъ, какъ соколъ гонится за голубемъ, который вьется туда и сюда, но не можетъ избѣгнуть когтей сокола прямо и высоко надъ нимъ летящаго, и вдругъ падающаго на добычу. Такъ бѣжалъ Гекторъ по колесничной дорогѣ вдоль стѣнъ Троянскихъ, до двухъ потоковъ Скамандровыхъ, одного теплаго, а другаго холоднаго и потомъ далѣе кругомъ города. Сильный бѣжалъ впереди, но его преслѣдовалъ сильнѣйшій. Три раза обѣгали они вокругъ Трои и вѣчные бо-

ги взирали на нихъ съ вершинъ Олимпа. Рѣшительный часъ наступилъ, сказалъ Зевесъ, размыслите боги: «должно ли спасти Гектора или допустить его пасть въ битвѣ?» Паллада отвѣчала отцу: «что ты замыслилъ отецъ? смертнаго хочешь избавить отъ смерти; это ихъ общій удѣлъ. Дѣлай, что хочешь, но не ожидай, что бы всѣ боги были на то согласны. Зевесъ склонился на мнѣніе дочери и она полетѣла какъ хищная птица на поле битвы.»

Здѣсь Гекторъ все еще бѣжалъ отъ Пелида, а тотъ преслѣдовалъ его подобно псу, поднявшему изъ логовища оленя, который напрасно хочетъ укрыться отъ него въ кустахъ и оврагахъ. Ахиллъ подавалъ Грекамъ знаки; чтобы никто изъ нихъ не осмѣливался бросать стрѣль въ Гектора и не похитилъ бы у него славы, низложить храбрѣйшаго изъ Троянъ.

Уже въ четвертый разъ бѣжали они вокругъ стѣнъ Трои и достигли потоковъ Скамандровыхъ.

Юпитеръ, сидя на вершинѣ Олимпа, взвѣсилъ на золотыхъ вѣсахъ два жребія смерти, Пелидовъ и Гекторовъ. Стрѣлка въсовая закачалась и стала: чаша, въ которой лежалъ жребій Гектора, опустилась къ Анду. Въ ту минуту оставилъ его Аполлонъ, а Паллада подошла къ Ахиллу, «остановись и отдохни,» сказала она ему, «я скажу тебѣ, когда устремиться на битву.» Послушный богинѣ Ахиллъ склонился на свое дебелое копье, а она, принявъ на себя видъ Деифоба явилась подлѣ Гектора и сказала ему: «Пелидъ жестоко преслѣдуетъ тебя, любезный братъ мой! Но станемъ здѣсь и начнемъ битву.» Гекторъ привѣтливо взглянулъ на мнимаго брата, и отвѣчалъ: «Деифобъ, ты всегда болѣе прочихъ братьевъ былъ любимъ мною, а теперь я долженъ почитать тебя: ты одинъ вышелъ мнѣ на

помощь!» Паллада, поднявъ копье, пошла впередъ и Гекторъ воскликнулъ: «сынъ Пелеевъ! сразимся теперь. Сердце мое исполнилось мужества и я твердо стану противъ тебя. Убыю или буду убитъ! но прежде дадимъ богамъ взаимную клятву: если Юпитеръ даруетъ мнѣ побѣду, я не буду безчестить твоего тѣла, доспѣхъ твой возьму, а тѣло дозволю взять Аргивянамъ; поклянись въ томъ же и ты.»

«Между нами нѣтъ договоровъ,» отвѣчалъ мрачный Ахиллъ, «не можетъ быть союза между агнцемъ и волкомъ и съ тобою не будетъ у меня дружба. Одинъ изъ насъ долженъ погибнуть! Припомни теперь все свое ратное искусство; ты долженъ быть искуснымъ копьеборцемъ и вмѣстѣ отличнымъ воиномъ. Но не избѣгнешь смерти! нынѣ ты заплатишь мнѣ за потерю моего друга.» Такъ говорилъ Пелидъ и метнулъ копье, но Гекторъ упалъ на одно колѣ-

но и копье, миновавъ его, вонзилось въ землю. Его подхватила Аѳина и подала своему любимцу. Съ гнѣвомъ бросилъ и Гекторъ свое копье, ударъ былъ вѣренъ, оно вонзилось въ щитъ Ахилловъ, но отскочило назадъ. Безоружный Гекторъ обратился къ брату своему Деифобу, — нѣтъ Деифоба! Пріамидъ понялъ, что его обманула Паллада, принявъ на себя видъ любимаго его брата, понялъ, что роковой часъ его наступилъ и думалъ уже только о томъ, чтобы погибнуть со славою. Онъ извлекъ изъ ноженъ тяжелый мечъ свой и быстро бросился на соперника, подобно орлу, ринувшемуся съ облаковъ на пугливаго зайца или нѣжнаго ягненка. Пелидъ отпрянулъ и поставилъ передъ собою свѣтлый щитъ свой, шлемъ его заколебался, золотая грива, украшавшая гребень шлема заколебалась въ воздухъ; онъ потрясъ тяжкимъ копьемъ своимъ и оно заблестало какъ звѣзда вечерняя. Глаза его

внимательно были устремлены на Гектора, ища мѣста, гдѣ бы удобнѣе было поразить, но доспѣхъ Патрокловъ, бывшій на Пріамовомъ сынѣ покрывалъ все его тѣло, но самое опасное мѣсто для жизни было открыто тамъ, гдѣ шею съ плечами связываютъ ключи. Быстро направилъ туда Ахиллъ ударъ копья своего и такъ сильно поразилъ Пріаида, что остріе пронзило шею насквозь, только не тронуло гортани, для того, чтобы умирающій могъ промолвить нѣсколько словъ. Увидя Гектора, поверженнаго на землю, Ахиллъ громко воскликнулъ, торжествуя: «ты думалъ, что останешься въ живыхъ по смерти Патрокла! я, мститель за него! тѣло твое оставляю на съѣденіе воронамъ, а тѣло Патроклово погребутъ Аргивяне! Гекторъ, простертый во прахъ отвѣчалъ ему: «заклинаю тебя, Пелидъ, и жизнью твоею и твоими родителями, не отдавай тѣла моего на съѣденіе псамъ Мир-

мидонскимъ. Требуѣй выкупъ сколь хочешь, только возврати трупъ мой въ домъ отеческій, тамъ мужи и жены Троянскіе воздадутъ ему послѣднюю честь преданіемъ огню.»

Ахиллъ въ знакъ несогласія своего покачалъ головою и говорилъ: «не обнимай колѣнъ моихъ и не заклинай меня родителями моими; ты, убійца моего друга! пусть псы терзаютъ тѣло твое, ничья рука не будетъ отгонять ихъ! и хотя бы Трояне въ десять кратъ умножили выкупъ, и потомъ еще удвоили, и даже если бы Пріамъ захотѣлъ выкупить тѣло твое на вѣсь золота, не отдамъ его!» «Узнаю тебя, безжалостный, отвѣчалъ умирающій, предчувствовалъ я, что ты не тронешься,—въ твоей груди желѣзное сердце. Боги отмстятъ за меня! Предъ Скейскими воротами ты падешь отъ стрѣлы Фебовой и тогда вспомнишь Гектора!» онъ кончилъ — и душа его отлетѣла къ Аиду.

Ахиллъ вскричалъ къ мертвому : «у-мирай! я же безтрепетно встрѣчу смерть, когда боги пошлютъ ее!» Онъ извлекъ свое копьѣ изъ тѣла, отбросилъ его въ сторону и сталъ снимать съ убитаго кровью облитый доспѣхъ.

Вожди и мужи Данайскіе, сошедшись дивились росту и мужественному виду Гектора. Многіе изъ нихъ, трогая копьѣмъ тѣло его, говорили: «теперь оно стало мягче, нежели тогда, когда онъ бросалъ огонь на корабли наши.» Ахиллъ сталъ говорить Данаямъ: «друзи и братья! боги даровали мнѣ побѣду надъ храбрѣйшимъ изъ Троянъ; не теряя времени нападемъ на городъ! но что говорю я? Патроклъ, не оплаканный, не погребенный лежитъ у судовъ моихъ! Греки, пойте побѣдныя пѣсни, а мы пойдемъ къ кораблямъ и повлечемъ съ собой тѣло Гектора.

Сказавъ это, недостойное дѣло замыслилъ Пелидъ сдѣлать съ трупомъ Ге-

ктора. Въ обѣихъ ногахъ онъ прокололъ ему сухія жилы и продѣвъ туда воловьи ремни, привязалъ къ колесницѣ, сѣлъ въ нее и погналъ коней къ кораблямъ, влача за собою тѣло. Пыль поднималась столбомъ, прекрасная глава Гектора оставляла слѣдъ по дорогѣ. Гекуба увидѣла это страшное зрѣлище, бросила съ головы покрывало и громко стала рыдать. Горестъ Пріамова была безпредѣльна. Вопли Троянъ и союзниковъ ихъ наполнили городъ. Едва могли удержать отца, который въ изступленіи горести хотѣлъ бѣжать изъ города вслѣдъ за убійцею. «Гекторъ! Гекторъ! говорилъ рыдая отецъ; обо всѣхъ погибшихъ дѣтяхъ моихъ я не столько плачу, сколько о тебѣ одномъ! о если бы смерть постигла тебя на рукахъ родителей!»

Андромаха, супруга Гекторова, еще ничего не знала о случившемся; вѣстникъ не являлся къ ней сказать, что

мужъ ея остался за городскими воротами. Спокойно сидѣла она въ теремѣ и ткала прекрасную пурпуровую одежду, съ цвѣтными узорами. Служительницамъ своимъ она дала приказаніе развести огонь и изготовить баню для супруга, когда онъ, усталый возвратится съ поля сраженія. Вдругъ вопли и крики раздались на башнѣ: сердце Андромахи затрепетало; «страшусь я,» говорила она, «чтобы Ахиллъ не отрезалъ Гектора отъ воротъ! Супругъ мой не останется въ толпѣ, онъ станетъ сражаться съ Ахилломъ: иду на башню сама! вѣрныя мои прислужницы слѣдуйте за мной!» Она поспѣшно бросилась вонъ изъ своего дома и быстро вбѣжавъ на башню, увидѣла Пеліда скачущаго на колесницѣ и влекущаго за собою тѣло ея мужа. Безъ чувствъ упала она на руки свекрови; драгоцѣнная повязка спала съ головы ея, а также и златотканый покровъ, свадебный даръ богини Афро-

диты. Долго держали ее невѣстки и золовки, безчувственную, убитую скорбію; наконецъ Андромаха опомнилась и такъ говорила, рыдая : «Горе мнѣ бѣдной ! о Гекторъ ! оба мы родились на горе. Сынъ мой , ты уже не увидишь отца твоего, и не будешь ему отрадою ! Въ горѣ и нуждѣ возрастетъ сирота ; къ друзьямъ отцовскимъ придетъ онъ просителемъ , и робко прикасаясь къ краю одежды ихъ , будетъ стараться обратить на себя ихъ вниманіе. Кто нибудь изъ нихъ, сжалясь, раздѣлитъ съ нимъ чашу вина , но чаще будетъ онъ слышать отъ сытыхъ и довольныхъ счастливецъ грубое слово: оставь насъ ! отца твоего здѣсь нѣтъ. Въ горѣ придетъ онъ къ своей матери , къ вдовѣ злополучной , а у ней, при жизни супруга, въ домѣ и псы были сыты. Милый супругъ мой ! сколько прекрасныхъ одеждъ изготовила я тебѣ моими руками. Теперь всѣ сожгу : на что мнѣ онѣ ?

Гекторъ ихъ не надѣнетъ и не будетъ въ нихъ красоваться.»

Такъ говорила Андромаха и съ нею рыдали Троянскія жены.

ОБРАДЪ ПОХОРОНЕНІЙ.

Достигши до кораблей Греческихъ Ахиллъ распростеръ тѣло Гекторова, лицомъ къ землѣ, подлѣ одра Патроклова. Данаи же слагали съ себя доспѣхи и сажались рядами близъ кораблей Пелидовыхъ для изготовленнаго имъ похороннаго пира. Множество воловъ, овецъ и козъ пало подъ ударами жельза и всѣмъ предложено было обильное угощеніе. Самаго же героя, вожди Данаевъ, не смотря на его сопротивленіе, отвлекли отъ тѣла Патрокла и увели въ шатеръ Агамемнона царя. Здѣсь, на пылающемъ огнѣ поставленъ былъ огромный котелъ воды, для омовенія; но Ахиллъ никакъ не соглашался

чтобы, хотя капля воды омочила его главу; на просьбы Агамемнона онъ отвѣчалъ страшною клятвою: «Клянусь самымъ Зевесомъ, что я не приму омоушенія, даже не омочу головы моею прежде нежели самъ не возложу тѣло Патроклово на погребальный костеръ, не насыплю надгробнаго холма и въ послѣдній даръ другу не обрѣжу волосъ моихъ. Пока еще скитаюсь я между живыми, не буду чувствовать въ другой разъ такой горести. Я не могу нынѣ присутствовать на этомъ пирѣ! повели навозить лѣсу для костра и все изготавить для погребенія. Окончимъ скорѣе начатое, чтобы скорѣе идти снова на битву.»

Всѣ покорились волѣ Ахилловой и потомъ сѣли за трапезу, при наступленіи ночи каждый спѣшилъ успокоиться въ шатрѣ своемъ и только одинъ Пелидъ не пошелъ въ свой шатеръ, гдѣ лежало Патроклово тѣло, и легъ на песчаномъ

берегу моря среди своихъ Мирмидонянъ.

Долго не спалъ онъ и думалъ о другѣ потерянномъ и сердце терзалось, наконецъ сонъ закрылъ его очи. Въ сонномъ видѣніи предстала предъ нимъ душа Патроклова, призракъ, подобный живому во всемъ: тоже величіе, тѣже прекрасныя очи, и тотъ же милый, сердцу знакомый голосъ. Тѣнь остановилась у изголовья и говорила Пелиду: «Позабылъ ты меня, сынъ Пелеевъ! Живаго ты любилъ меня, неужели будешь равнодушенъ къ мертвому? Погребѣ же тѣло мое, вотъ все, чего прошу я; погребѣ, чтобы я могъ взойти въ обитель Аида. Тѣнь моя безъ погребенія моего тѣла не можетъ войти во врата, стражи ее отгоняютъ. Душа моя не найдетъ покоя, прежде нежели тѣло мое будетъ предано пламени. Дай мнѣ, печальному руку, и твой часъ близокъ и ты падешь у стѣнъ Трои. Устрой же

такъ, чтобы кости наши положены были вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ мы возрастали въ домѣ отца твоего, Пелея.

Исполню твое желаніе и клянусь тебѣ въ томъ, вскричалъ Пелидъ, и простеръ руки къ призраку, желая обнять его, но душа Менетида подобно легкому дыму скрылась отъ глазъ его. Смущенный герой воспрянулъ отъ сна и говорилъ съ горестію: «И такъ дѣйствительно души живутъ въ обителяхъ Аида? но, ахъ: эта жизнь безжизненна! Какъ живо представилась мнѣ въ эту ночь душа Патроклова, печальная и просящая погребенія своему тѣлу.»

Всѣ, окружавшіе Ахилла, слыша рассказъ его, стали заботиться о скорѣйшемъ совершеніи обряда. Едва только показалась румяная заря, Агамемнонь повелѣлъ многимъ изъ воиновъ, подъ начальствомъ Меріона идти для рубки и привоза лѣсу. Воины повиновались, гоня передъ собою муловъ, неся топоры,

и веревки. На вершинѣ горы Иды на-
рубили множество деревьевъ, веревками
привязали къ муламъ, а другія бревна
дровосѣки несли на плечахъ. На мор-
скомъ берегу, тамъ, гдѣ назначилъ
Ахиллъ, навалили страшную громаду
лѣса. Мирмидоняне по приказанію
вождя одѣлись въ доспѣхи, а конники
впрягли коней въ колесницы. Цари и
вожди заняли тамъ мѣста свои и нача-
лось шествіе. Колесницы впереди, пѣ-
шіе сзади, въ срединѣ друзья и ратные
братья несли на рукахъ Патроклово
тѣло, все покрытое волосами друзей его,
принесенными въ даръ умершему,
Ахиллъ самъ поддерживалъ голову сво-
его друга.

Достигши до мѣста, опустили на зем-
лю одръ и быстро наметали огромный
костеръ; тогда Пелидъ обрѣзалъ свои
прекрасные темные волосы и обратясь
къ морю, сталъ говорить такимъ обра-
зомъ: « О воды Сперхія, воды моею ро-

дины! Пелей клялся вамъ посвятить эти кудри, если я возвращусь въ домъ его; кромъ того, онъ обѣщалъ принести вамъ въ жертву пятьдесятъ ововъ на жертвенникъ, посвященномъ вамъ въ прибережной рощѣ! Богъ потока! ты отвергъ мольбы его. Не гнѣвайся же на меня, если я теперь посвящаю мои кудри Патроклу и что онъ возьметъ ихъ въ могилу.» Такъ сказалъ Пелидъ и положилъ кудри свои въ руки Патрокла, всѣ предстоящіе подняли плачь; но скоро Ахиллъ обратился къ Агамемнону и говорилъ ему: «Повели, Атридъ, разойтись воинамъ; послѣ печалью насытятся, теперь же пусть подкрѣпять себя пищею, мы же съ вождями озаботимся погребеніемъ.»

Агамемнонъ далъ повелѣніе и всѣ разошлись; у костра остались только Цари и вожди Ахейскіе. Окружность костра устроили въ пятьдесятъ шаговъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Множество

заклали воловъ и овновъ, обрядили ихъ и кожи разостлали на костеръ, на нихъ положили Патроклово тѣло, обложивъ его жиромъ, снятымъ съ животныхъ, и обставили кувшинами съ масломъ и медомъ. Четырехъ закланныхъ коней и двухъ обезглавленныхъ домашнихъ Ахилловыхъ псовъ повергли у ногъ его, потомъ вмѣстѣ съ ними двѣнадцать юныхъ Троянъ, произженныхъ тутъ же мечами. Такъ ужасно мстилъ Пелидъ за смерть своего друга.

Онъ велѣлъ зажечь костеръ, а самъ говорилъ къ умершему: Да сопутствуетъ тебѣ миръ въ могилу, Патроклъ! Исполняю мое обѣщаніе. За тебя двѣнадцатерыхъ Троянъ пожретъ пламя, но Гектора оно не коснется! Тѣло его да будетъ добычею псовъ!

Но къ мертвому Гектору псы не касались. День и ночь отгоняла ихъ Афродита богиня: благовонною мазью изъ розъ умастила она тѣло его, чтобы

изцѣлить бывшія на немъ язвы; Фебъ закрылъ его темнымъ облакомъ, для защиты отъ зноя солнечнаго.

Между тѣмъ костеръ Патрокловъ не разгорался. Ахиллъ обратился съ мольбою къ вѣтрамъ, Борею и Зефиру, обѣщая имъ принести жертву, и въ то же время возливая въ честь имъ вино изъ золотого кубка. Ириса отнесла къ вѣтрамъ мольбы его. Съ шумомъ и свистомъ понеслись вѣтры, донеслись до костра, и неистово дуя, цѣлую ночь разжигали огонь. Ахиллъ во всю ночь не преставаъ дѣлать имъ возліянія за душу своего друга. Къ разсвѣту утихли вѣтры, угасло пламя и костеръ явился кучею пеплу. Посреди углей лежали отдѣльно кости Патрокловы, кости Троянъ и животныхъ лежали смѣшанныя съ краю. Ахиллъ повелѣлъ залить тлѣющіе уголья багрянымъ виномъ; со слезами собрали ратные товарищи кости Патрокловы, положили ихъ въ золотую

чурну и переложивъ двойнымъ слоємъ жиру, и отнесли въ палатку Ахиллову. Мѣсто костра обложили камнями и насыпали высокій надгробный холмъ.

Ахиллъ удержалъ всѣхъ, пригласивъ на похоронныя игры. Сѣли Данаи и составили обширный кругъ. Изъ палатки Пелидовой вынесли назначенныя въ награду побѣдителямъ мѣдные треножники, серебряные сосуды, злато и желѣзное издѣлье, вывели коней, муловъ, воловъ круторогихъ и плѣнныхъ женъ рукодѣльницъ, одѣтыхъ въ дорогія одежды, вышитыя золотомъ. Игры начались ристаніемъ на колесницахъ, но Ахиллъ не принималъ въ нихъ участія: тотъ, кто часто управлялъ его колесницей, лежалъ во гробъ! Явились на состязаніе: Эвмелъ, отличный возница межъ Ахейцами, сынъ Адмета; Діомедъ; на похищенныхъ имъ коняхъ Энеевыхъ; Менелай, у котораго впряжены были конь его Подаргъ и Агамемнонова ко-

былица Эта; наконецъ юный Антилохъ, сынъ Несторовъ, наставленный отъ мудраго отца какъ управлять колесницей; пятый явился Меріонъ, на пышногривыхъ коняхъ своихъ. Бросили жребіи въ шлемъ и самъ Ахиллъ вынималъ ихъ, чтобы знать въ какомъ порядкѣ ѣхать состязателямъ. Первый жребій вынулся Антилоху, второй Эвмелу, потомъ Менелаю, Меріону и послѣдній уже Діомеду. Судьею спора назначилъ Пелидъ сѣдовласаго Феникса, въ юности бывшаго оруженосцемъ Пелея, отца его. Разомъ герои подняли бичи на коней, хлеснули возжами, разомъ всѣ крикнули и помчались ихъ кони! Шумъ поднималась столбомъ, конскія гривы развѣвались отъ вѣтра, колесницы то глубоко входили въ землю, то высоко подпрыгивали вверхъ. Возницы стояли и у каждаго билось сердце, жажда славы. Приближаясь къ метѣ, каждый погналъ быстрѣе коней своихъ, и кони

Эвмеловы понеслись впередъ; густой паръ валилъ отъ нихъ; но Діомедовы кони неслись такъ близко за ними, что вѣрно обскакали бы, если бы враждующій Фебъ не вышибъ изъ руки Діомедовой бича, но Паллада, подхватя бичъ, подала опять Герою. Въ отплату она сломала у коней Эвмеловыхъ ярмо и дикіе кони вдругъ бросились въ сторону, опрокинувъ возницу своего на землю. Діомедъ пронесся мимо, за нимъ скакалъ Менелай, близко за нимъ гнался Антилохъ, возбуждая крикомъ своихъ коней. Двое послѣднихъ почти съѣхались на узкой, изрытой рытвинами дорогѣ, Менелай сталъ сдерживать коней, опасаясь, что колесницы сшибутся, но Антилохъ, нарочно устрашая его, гналъ своихъ и обскакалъ его.

Сидящіе въ кругу Ахейцы старались разглядѣть сквозь пыль, чья впереди колесница и заводили споры о томъ межъ собою. Діомедъ оставилъ всѣхъ

назади и достигъ до цѣли, на своей, златомъ и оловомъ блистающей колесницѣ. Пѣна покрывала бурно-дышащихъ коней его. Діомедъ спрыгнулъ на землю и привѣсилъ бичъ къ запрягу; другъ его Сѣенель принялъ за него назначенную ему въ награду плѣнницу и треножникъ ушатый, передалъ все то служителямъ, а самъ распрягалъ колесницу. За Антилохомъ прискакалъ и Атридъ Менелай; разстояніемъ на одинъ летъ копыя слѣдовалъ за нимъ Меріонъ; позади всѣхъ тащилась изломанная колесница Эвмелова, да и самъ правитель ея пострадалъ отъ паденія. Ахиллъ видя, что онъ не получилъ успѣха отъ воли боговъ, и зная что онъ былъ очень искусный возница, хотѣлъ было дать ему вторую награду, но Антилоху это показалось обидно. Мнѣ принадлежитъ этотъ прекрасный, необъѣзженный конь, говорилъ онъ, но если ты жальешь Эвмела, то у тебя много

добра, дай ему что хочешь, хоть вдвое, теперь или послѣ. Ахиллъ улыбнулся, посовѣтывался съ Фениксомъ и далъ Эвмелу прекрасный воинскій доспѣхъ. Менелай съ своей стороны сталъ обвинять Антилоха въ томъ, что онъ хитростью остановилъ бѣгъ коней его и требовалъ, чтобы онъ доказалъ противное клятвою Посейдону. Пристыженный юноша признался въ своемъ проступкѣ и отдалъ коня Атриду: сердце Атрида смягчилось и онъ снова возвратилъ данную награду сыну Нестора, а самъ взялъ рукомои́никъ блестящій. Меріонъ получилъ два золотыхъ таланта; пятую же награду, двусторонній фіаль, пронесъ Ахиллъ по рядамъ Данаевъ, и предложилъ ее Нестору въ память о Патроклѣ.

Начался рукопашный бой; первую наградою назначили мула, второю двудонный фіаль. Вышелъ впередъ сильный Эпей, сынъ Панопея. Положивъ руку

на мула, онъ вскричалъ : моя награда; бери, кто хочетъ фіалъ; напередъ говорю, что размножу тѣло противника, и кости ему переломаю ! Молчанье было отвѣтомъ на вызовъ, наконецъ вышелъ Эвріалъ, сынъ Микизигеевъ. Переплелись руки подвижниковъ, кулаки стучали по челюстямъ, потъ катился ручьями; наконецъ Эпей такъ сильно ударилъ Эвріала по щекъ, что этотъ упалъ на землю. Эпей самъ тотчасъ поднялъ поверженного, а друзья повели его изъ круга, извергающаго кровь изъ гортани и съ поникшею головою.

Третья игра была борьба. Огромный, мѣдный треножникъ, оцѣненный въ двѣнадцать отличныхъ воловъ, назначенъ былъ побѣдителю, а побѣжденному искусная въ рукодѣліи плѣнница. Выступили Аяксъ и Одиссей. Послѣдній крѣпко обхватилъ огромнаго ростомъ Аякса, какъ плотникъ смыкаетъ стропила на кровль. Потъ лился съ нихъ

градомъ, хребты трещали, но ни тотъ, ни другой не одолѣвалъ; соскучась, Ахеяне начинали роптать; вдругъ Аяксъ приподнялъ Одиссея, но тотъ ударилъ его пятой подъ колѣно, и такъ крѣпко, что силачъ растянулся по землѣ, но не выпустилъ однако изъ рукъ Одиссея, который сталъ ему колѣномъ на грудь и въ свою очередь хотѣлъ поднять противника, но не одолѣлъ. Вы равные побѣдители, вскричалъ Ахиллъ, и должны получить равныя награды.

Начался бѣгъ пѣшихъ. Награда тому, кто превзойдетъ другихъ въ скорости была слѣдующая: серебряный, украшенный отличною рѣзбою сосудъ, въ шесть мѣръ вина; второму изъ бѣгуновъ, — волъ круторогій, третьему полталанта золота. Вышли на попріще Локріецъ Аяксъ, Одиссей и Антилохъ. Ахиллъ подалъ знакъ: Аяксъ пустился бѣжать, за нимъ по пятамъ Одиссей, какъ бѣгаетъ цѣвка въ рукахъ у пряхи,

между основой на ткацкомъ станкѣ и самой пряжей. Приближаясь къ цѣли Одиссей воззвалъ къ Аѳинѣ и она вдохнула легкость въ члены его, Аякса же навела на нечистоту, оставшуюся отъ закланныхъ тельцовъ, Локріецъ поскользнулся и ринулся ницъ лицомъ. Всѣ Данаи громко заежались, когда Одиссей, прибѣжавъ къ цѣли, схватился за сосудъ, а Локріецъ, изbleывая нечистоту, при паденіи наполнившую ротъ его, ухватилъ вола за рога. Третью награду получилъ Антилохъ и смѣясь сказалъ: Боги вѣнчаютъ честію старшихъ: Аяксъ конечно, хотя немногимъ, но меня постарѣе, Одиссеева же старость еще зелена. Ты говоришь безъ зависти другъ, отвѣчалъ Ахиллъ, къ награды твоей прибавляю полталанта золота.

Потомъ вынесъ Ахиллъ отличное Сарпедоново копьѣ, щитъ и шлемъ его, добытые Патрокломъ. Двое бойцевъ,

облеченныхъ въ доспѣхи ратные должны были сразиться и вмѣстѣ получить предложенную награду; побѣдителю же Ахиллъ назначилъ сверхъ того мечъ Астеропея, украшенный серебряными гвоздями. Грозно сверкая очами выступилъ Теламонидъ Аяксъ, и Діомедъ. Трижды сходились они другъ противъ друга; Аяксъ пронзилъ щитъ Діомедовъ, а Тидидъ едва не поразилъ въ шею Аякса. Ахейцы, заботясь о своемъ Герое, постарались развести сражающихся, но мечъ Астеропея получилъ Діомедъ.

Наконецъ Ахиллъ повелѣлъ принести отнятый имъ у Гетіона, царя Фивскаго, огромный, самородный кругъ желѣза; онъ обѣщалъ отдать его тому, кто покажетъ больше силы въ бросаньи этаго круга. Эпей подхватилъ кругъ и бросилъ очень далеко, а Данай весело смотрѣли на разные опыты силъ. Леонтей и мощный Аяксъ перебросили этотъ

новый мячъ далѣе назначенной меты, но Полипотъ кинулъ его далѣе всѣхъ и получилъ награду.

За мѣткость въ стрѣляннѣ изъ лука опредѣлилъ наградой Пелидъ десять двуострыхъ сѣкиръ и десять обыкновенныхъ. На тонкой бичевкѣ привязали голубя къ корабельной мачтѣ. Стрѣлокъ, умѣтившій въ голубя, получалъ первая десять сѣкиръ, а попавшій въ бичевку, вторыя. Вызвались на стрѣлянне изъ лука Тевкръ и Меріонъ. Тевкру досталось стрѣлять прежде; онъ спустилъ тетиву, но Аполлонъ отвелъ ударъ и стрѣла перервала бичевку, на которой висѣла птица, и та, почувствовавъ себя на свободѣ, взвилась на воздухъ. Меріонъ взялъ стрѣлу и лукъ, и обѣщалъ за успѣхъ принести Аполлону жертву; онъ спустилъ тетиву и стрѣла перешибла у голубя на лету крыло. Раненный спустился онъ на мачту, склонилъ къ груди голову и скоро упалъ

мертвый на землю. Меріонъ получилъ первую награду, а Тевкръ вторую.

За ловкость въ метаньи копья въ цѣль назначилъ Пелидъ дротъ и разцвѣченный сосудъ. На это вызвался Царь Атридъ, а за нимъ Меріонъ; но Ахиллъ сказалъ: благородный Атридъ! всѣмъ извѣстно по битвамъ превосходство твое надъ другими въ метаньи копья; предоставь же дротъ Меріону и возьми безъ сраженія чашу. Агамемнонъ исполнилъ его желаніе и тѣмъ окончились игры.

ШЕРАШЪ У АХИЛЛА.

Цари Ахейскіе и воины разошлись по шатрамъ и каждый спѣшилъ подкрѣпиться пищею и сномъ. Только Ахиллъ не могъ спать, думая о своемъ другѣ; безпокойно метался онъ во всѣ стороны на ложѣ своемъ, потомъ вскочилъ и пошелъ бродить по берегу. Рано на зарѣ впрягъ онъ коней въ колес-

ницу, и привязавъ къ ней тѣло Гекторово, три раза объѣхалъ вокругъ могилы Патрокловой, потомъ снова оставилъ мертваго лицомъ къ землѣ. Но Аполлонъ покрывалъ Пріаида золотымъ эгидомъ и охранялъ отъ поврежденія. Всѣ боги Олимпа были тронуты жалостію, исключая богини Геры. Зевесъ послалъ позвать Θетиду, мать Ахиллову и повелѣлъ ей идти къ стану Ахейанъ извѣстить сына, что всѣ боги и самъ онъ на него негодуютъ, видя, что онъ такъ ругается надъ мертвымъ. Θетиде повиновалась, достигши стана Данаевъ вошла къ сыну, сѣла подлѣ него и тихо лаская рукою сказала: «милый мой сынъ, для чего такъ долго терзаешь ты сердце свое слезами и вздохами? Если бы ты могъ этимъ возвратить жизнь Патроклу, я не стала бы тебя удерживать; но тебѣ самому уже не долго жить на свѣтѣ: грозная судьба скоро тебя постигнетъ. Я пришла

передать тебѣ слова Зевесовы, повинуйся имъ: всѣ боги разгнѣваны на тебя за то, что ты ругаешься надъ тѣломъ Гектора; отдай его и прими богатый выкупъ! Ахиллъ поднялъ голову, взглянулъ на мать и сказалъ: Да будетъ такъ; исполню то, что Зевесъ и совѣтъ безсмертныхъ судили! Кто принесетъ выкупъ, пусть возметъ тѣло.»

Въ то же время отецъ боговъ послалъ божественную вѣстницу Ирису въ домъ къ Царю Пріаму. Тамъ нашла она плачь и рыданіе. На широкомъ дворѣ, кругомъ Царя — отца, сидѣли сыновья его, и одежды ихъ были мокры отъ слезъ. Пепломъ осыпана была голова Пріамова; завернувшись въ мантию лежалъ онъ, лицомъ къ землѣ; въ домѣ рыдали Царица, дочери ихъ и невѣстки. Внезапно явилась Ириса и коснулась рукою Пріама; онъ взглянулъ, и трепеть объялъ его при видѣ божественной вѣстницы; она же, чтобы обо-

дрить его стала говорить тихимъ голо-
сомъ: « Не бойся , сынъ Дардановъ, не
зловѣщей вѣстницей пришла я къ тебѣ;
Зевесъ умилосердился надъ тобою, и
повелѣваетъ тебѣ идти къ Ахиллу, и
предложить выкупъ за тѣло Гектора.
Но ступай одинъ ; никто изъ Троянъ
не долженъ идти съ тобою , исключая
престарѣлаго вѣстника Идея , который
будетъ управлять колесницей для при-
везенія тѣла. Иди, не страшись ничего:
Меркурій будетъ охранять тебя и при-
ведетъ къ Пелиду. Пелидъ не безу-
менъ и не подниметъ на тебя руки,
но скорѣе самъ защититъ тебя отъ
всякаго.

Пріамъ, выслушавъ слова богини, по-
велѣлъ сыновьямъ своимъ запрячь му-
лами колесницу особеннаго устройства,
а самъ пошелъ въ опачивальню , гдѣ
стѣны обиты были тесомъ изъ благо-
воннаго кедроваго дерева и гдѣ стояли
сундуки съ дорогими одеждами и раз-

ною утварью. Онъ позвалъ туда и супругу свою Гекубу и такъ говорилъ ей: «бѣдная мать! знай, что мнѣ явилась вѣстница Олимпійская и возвѣстила мнѣ велѣніе Зевсово идти къ Пеллду и выкупить тѣло нашего сына. Сердце мое влечетъ меня, не мѣдя ни мало, идти къ кораблямъ Данаевъ. Что говорить твое сердце?» Гекуба отвѣчала ему рыдая: «горе мнѣ, Пріамъ! вѣрно разсудокъ твой, которымъ ты столько славился, оставилъ тебя. Тебѣ ли, старцу, идти одному въ станъ Данаевъ и явиться къ тому, кто лишилъ насъ столько сыновей! Не ужели ты думаешь, что этотъ кровопійца, увидѣвъ тебя, почувствуетъ состраданіе? Нѣтъ, лучше станемъ дома оплакивать нашего сына; видно судьба обрекла его быть разтерзаннымъ псами.» «Не удерживай меня,» сказалъ Пріамъ, «не будь для меня домашнею зловѣщею птицей; пусть ожидаетъ меня у кораблей смерть, пусть

жестокій убьетъ меня, только бы мнѣ насытить душу слезами надъ тѣломъ любезнаго сына.» Такъ сказалъ Царь и поднявъ крышки бывшихъ въ покоѣ ларей, вынулъ оттуда двѣнадцать дорогихъ праздничныхъ одеждъ, столько же простыхъ, двѣнадцать ковровъ, равное количество тонкихъ хитоновъ и дорогихъ мантий; потомъ отвѣсилъ десять талантовъ золота, взялъ четыре серебряныя блюда, два треножника, и даже тотъ драгоцѣнный кубокъ, который былъ поднесенъ ему во Фракіи, гдѣ онъ былъ нѣкогда посланникомъ. Такъ сильно желалъ онъ искупить тѣло милаго сына! Но собравшимся около царскаго дома его Троянамъ Пріамъ грозилъ съ крыльца жезломъ своимъ и жестоко поносилъ ихъ за то, что они также хотѣли удержать его. «Прочь» говорилъ имъ Старецъ, «прочь, презрѣнное племя! Или мало у васъ въ домахъ печали, что вы пришли сюда огор-

чать меня? Какъ можете вы меня удерживать? Или вамъ кажется маловажною горестъ моя о потерѣ моего лучшаго сына? Вы будете за то наказаны! Но вы, милосердые боги! низведите прежде меня во адъ, чтобы глаза мои не видали разоренія Трои.» Потомъ, негодуя на медленность сыновей, сурово закричалъ на нихъ: «Скорѣе, негодные дѣти! Лучше бы всѣ вы погибли, вмѣсто моего Гектора. Погибли всѣ добрые; остались лжецы, скоморохи и плясуны, хищники стадъ народныхъ, стыдъ моего дома! Скоро ли запряжете вы мнѣ колесницу и уложите выкупъ? Скоро ли я поѣду?» Устрашенные сыновья спѣшили повиноваться, запрягли муловъ и уложили въ коробъ выкупные дары; сѣдовласый Идей, уже занявъ возницей свое мѣсто. Печальная Гекуба принесла супругу золотую чашу, для возліянія богамъ, передъ отъѣздомъ, но прежде того служительницы

подали Царю блюдо и кувшинъ съ водою, для омытія рукъ. Омывъ длани, онъ принялъ жертвенную чашу, сталъ посреди покоя и возливая вино, воззвалъ къ Зевесу: «Отецъ боговъ, властитель Олимпа! дозвожь мнѣ обрѣсти состраданіе и милость въ сынѣ Пелеевомъ къ тебѣ! Пошли мнѣ какой нибудь знакъ въ увѣреніе, что я безопасно дойду до кораблей Мирмидонскихъ.»

Едва сказалъ онъ эти слова, какъ передъ домомъ пронесся ширококрылый черный орелъ. Трояне обрадовались, увидя Зевсову птицу, и старецъ исполнясь надежды сѣлъ на свою колесницу, запряженную бодрими конями; а другою, четырехъ колесною же возою колесницею, запряженною мулами, правилъ Идеѣ. На нее поставили и коробъ съ дарами; Пріамъ простился съ своими дѣтьми, которые всѣ вышли провожать его и плакали о немъ, какъ плачутъ объ идущемъ на смерть. Оба

старца, проѣхали черезъ городъ и скоро очутились въ полѣ, близъ надгробнаго памятника Царя Ила; тутъ остановили коней своихъ и муловъ, чтобы напоить ихъ въ свѣтломъ ручьѣ. Наступалъ уже вечеръ и поля покрывались мракомъ. Вдругъ Идеѣ увидѣлъ въблизи, въ туманѣ, человѣческій образъ, и въ страхъ такъ говорилъ Пріаму: «Государь! будь остороженъ! Видишь ли ты этаго человѣка? это вѣрно какой нибудь убійца! Намъ должно или воротиться назадъ или преклонивъ колѣна, молить его о пощадѣ.» Пріамъ также испугался и волосы на головѣ его стали дыбомъ, но страхъ его былъ напрасенъ: видимый призракъ былъ богъ Меркурій, или Гермесъ, посланный Зевсомъ для охраненія Царя. Подошедъ къ Пріаму въ видѣ прекраснаго юноши, посланникъ боговъ ласково взялъ его за руку и спросилъ: «Почтенный старецъ! куда гонишь ты коней и муловъ тво-

ихъ въ такую темную ночь, когда всѣ люди предаются сладкому сну? Развѣ ты не страшишься жестокихъ Ахейнъ? Если кто нибудь изъ нихъ увидитъ тебя въ ночной тиши, везущаго такіа сокровища, и захочетъ отнять ихъ у тебя, что ты станешь дѣлать? Ты старъ и слабъ, провожатый твой также. Но меня вы не бойтесь: я не только не стану обижать васъ, но еще готовъ защищать противъ всѣхъ и cadaго. Какъ походишь ты, старецъ, на отца моего! Но скажи мнѣ по правдѣ, куда везешь ты такіа сокровища? вѣрно хочешь скрыть ихъ въ сосѣднихъ земляхъ? Или вы уже совсѣмъ оставляете Трою по смерти храбраго ея защитника, который никому изъ Грековъ не уступалъ въ мужествѣ?» Пріамъ со вздохомъ отвѣчалъ ему: «вижу я, что боги меня охраняютъ, пославъ мнѣ такого разумнаго и добраго спутника, который такъ прекрасно говоритъ о смер-

ти моего сына. Но кто ты, неизвѣстный другъ, и кто твои родители?» «Имя отца моего Поликторъ,» отвѣчалъ Гермесъ, «я младшій изъ семи сыновей его, Мирмидонецъ родомъ и ратникъ Ахилловъ. Часто видалъ я Гектора въ битвахъ, видѣлъ его и въ тотъ день, когда онъ отразилъ къ кораблямъ бѣгущихъ Аргивцевъ. Въ то время мы окружали нашего гнѣвнаго вождя и дивились издали Гектору.» «Если ты изъ числа воиновъ Ахилловыхъ,» сказалъ поспѣшно Пріамъ, «то скажи мнѣ: еще ли тѣло сына моего лежитъ при корабляхъ вашихъ, или уже отдано псамъ на разтерзаніе?» «Нѣтъ,» отвѣчалъ Гермесъ, «оно лежитъ еще у судовъ и тлѣніе не коснулось его, хотя уже въ двѣнадцатый разъ заря восходила со дня смерти твоего сына, и хотя Пелидъ безжалостно всякій день влачитъ его вокругъ могилы Патрокловой. Ты увидишь самъ, и возблаговаришь боговъ.»

Утѣшенный Пріамъ взялъ свой драгоцѣнный кубокъ и подалъ Гермесу: «прошу тебя,» сказалъ онъ, «прими этотъ даръ, а меня подари за то твоею охраною и проводи къ самому Ахиллу.» Меркурій отвѣчалъ, что не смѣетъ принимать даровъ безъ вѣдома своего царя, вспрыгнувъ въ колесницу Пріамову, схватилъ возжи, ударилъ бичемъ по конямъ и скоро достигли они до гробницы Патрокловой и потомъ къ оградѣ жилища Ахиллова. Привратные стражи собирались ужинать, но мановеніе бога погрузило ихъ въ глубокій сонъ; отъ одного прикосновенія руки его спалъ съ воротъ засовъ. Домъ Ахилловъ былъ за стѣною, срубленъ изъ толстыхъ, еловыхъ бревенъ и крытъ камышемъ, кругомъ устроили широкій дворъ, обгороженный плотнымъ частоколомъ; ворота во дворъ запирались еловымъ засовомъ; трое Ахейнъ съ трудомъ вдвигали и отодвигали этотъ замокъ, а Пелидъ ото-

двигалъ одинъ. Такія-то ворота благодарительный Гермесъ отворилъ для колесницъ Пріамовыхъ. Въѣхавъ во дворъ, Посланникъ боговъ объявилъ Царю Троянскому, кто былъ его спутникъ и возносясь на Олимпъ, далъ наставленіе старцу умолять Ахилла именемъ отца и матери и преклонить предъ нимъ колѣна.

Пріамъ сошедъ поспѣшно съ колесницы, поручилъ Идею коней и муловъ и вошелъ въ тотъ покой, гдѣ сидѣлъ Ахиллъ. Друзья его сидѣли въ отдаленіи, но двое изъ нихъ, Автомедонъ и Алкимъ стояли возлѣ стола, на которомъ еще стоялъ ужинъ. Державный Старецъ, никѣмъ не примѣченный, повергся вдругъ къ ногамъ Пелидовымъ, обнялъ его колѣна и схвативъ его руку, поцѣловалъ ее, ту руку, которая умертвила столько дѣтей его. Съ изумленіемъ смотрѣлъ на него Пелидъ и друзья его, а Пріамъ сталъ говорить

такимъ образомъ : « вспомни объ отцѣ твоємъ, богоподобный Ахиллъ ! о старцѣ , такомъ же какъ я ; можетъ быть теперь и его тѣснятъ враги , можетъ быть и онъ въ горести и заботѣ , какъ и я ; но по крайней мѣрѣ зная , что ты живъ , каждый день онъ утѣшаетъ себя надеждой , что милый сынъ возвратится. Я же несчастный ! пятьдесятъ было у меня сыновъ до нашествія Грековъ , девятнадцать изъ нихъ были отъ одной матери ! Всѣ погибли на брани ; оставался храбрѣйшій , который одинъ защищалъ и семью и городъ. Для него-то пришелъ я къ тебѣ : я пришелъ выкупить тѣло моего Гектора и принесть тебѣ дорогой выкупъ. Убойся боговъ , Пелидъ ! вспомни о твоємъ отцѣ и сжался надо мною. Я болѣе достоинъ жалости : я дѣлаю то , чего не дѣлалъ еще никто изъ смертныхъ : я цѣлую ту руку , которая лишила меня дѣтей моихъ . »

Такъ говорилъ Пріамъ и возбудилъ въ сердцѣ Героя грустное воспоминаніе о Пелеѣ, тихо пожалъ онъ руку у старца и отклонилъ его отъ себя. Оба начали плакать, одинъ отъ воспоминанія о сынѣ, другой объ отцѣ и о другѣ; долго рыдали они, наконецъ Пелидъ удержалъ себя, вскочилъ съ своего мѣста и поднялъ старца. «Несчастный,» говорилъ онъ ему съ состраданіемъ «много извѣдалъ ты горя! и теперь, сколько нужно было тебѣ твердости, идти одному въ станъ Ахейнъ и предстать передъ того, который былъ виною смерти столькихъ дѣтей твоихъ? Желѣзное, видно, у тебя сердце. Но успокойся и сядь; заключимъ горестъ въ сердцѣ. Таковую судьбу назначили намъ боги: страданіе—участь людей! Двѣ урны стоятъ на порогѣ жилища Юпитерова: одна съ дарами бѣдствій, другая—счастія; кому владыка боговъ удѣляетъ изъ обѣихъ, тотъ попеременно видитъ въ

жизни своей и горестъ и радость; иному же дается на долю одна скорбь, и онъ терпитъ презрѣніе, голодъ и холодъ. Боги даровали Пелею счастливую участь: богатство, могущество и богиню въ супруги; но горе также не минуетъ его: единственный сынъ его увянетъ въ цвѣтъ лѣтъ и не будетъ подпорою его старости. И теперь я сижу здѣсь одинъ, далеко отъ него, не покою отца, а тебя и твоихъ огорчаю. И ты, старецъ, былъ счастливъ, а нынѣ безсмертные послали на тебя несчастья и съ тѣхъ поръ въ стѣнахъ твоего города свирѣпствуетъ смерть. Сноси же съ терпѣніемъ скорбь твою и не сокрушайся непрестанно: ты не воскресишь благороднаго Гектора.»

Пріамъ отвѣчалъ: «не принуждай меня сѣсть, любимецъ Зевеса, пока сынъ мой лежитъ непогребенный. Дозволь мнѣ скорѣ видѣть его. Богатый выкупъ привезъ я тебѣ; прими его и да по-

шлютъ тебѣ боги счастливый возвратъ на родину, а меня отпусти скорѣе, когда уже ты даровалъ мнѣ пощаду.

Чело Пелидово помрачилось гнѣвомъ отъ словъ Пріамовыхъ и онъ сказалъ ему такъ: «не раздражай меня, старецъ! я самъ хотѣлъ отдать тебѣ сына твоего: мать моя возвѣстила мнѣ, что такова есть воля Юпитера. Понимаю также, что богъ привелъ тебя ко мнѣ, потому что самый отважный изъ юношей не могъ бы усыпить нашихъ стражей и отворить мои ворота. Не огорчай болѣе моего смущеннаго сердца, иначе я преступлю повелѣніе боговъ и не пощажу и тебя самага, старецъ!

Устрашенный Пріамъ замолчалъ. Ахиллъ, какъ молодой левъ прынулъ въ дверь, Автомедонъ и Алкимъ, послѣ Патрокла любимые друзья его, бросились въ слѣдъ за нимъ; вышедши на дворъ они всѣ вмѣстѣ выпрягли коней и муловъ и ввели Идея въ покой къ

Пріаму. Потомъ сняли съ колесницы коробъ, съ выкупными дарами, оставя по приказанію Пелида хитонъ и двѣ мантии, чтобы изъ Ахиллова стана отпустить тѣло прилично покрытое. Тѣло омыли, и намазали благовонною мазью; но все это дѣлали не въ глазахъ Пріама, чтобы сердце его нетерзалось. Самъ Пелидъ поднялъ Гектора и положилъ на одръ, покрытый пурпуромъ, когда же Автомедонъ и Алкимъ стали поднимать одръ, чтобы положить его на колесницу, тогда Ахиллъ, обратясь къ могилѣ Патрокловой громко говорилъ: «не ропщи на меня, Патрокль, если ты и во мракъ Аида внемлешь намъ; не сътуй, что я отдаю тѣло Гекторово отцу его: не маловажный принесъ онъ выкупъ; отъ него и тебѣ принесу я достойную тебя долю.»

Сказавъ это Пелидъ возвратился въ покой, сѣлъ напротивъ Царя и сказалъ: «ты искупилъ сына, старецъ! возвра-

щаю тебѣ тѣло его, оно лежитъ убрано, на одрѣ. Когда появится заря, ты увидишь его и повезешь въ Трою, но теперь помыслимъ о пищѣ, у тебя довольно будетъ времени на оплаканье твоего Гектора по возвращеніи въ городъ, и онъ достоинъ слезъ вашихъ. Ахиллъ опять вышелъ, самъ закололъ тучную овцу, а товарищи его совершивъ надъ нею должные обряды, разрѣзали на небольшія части, и втыкая ихъ на рожны, обжаривали на огнѣ. Когда кушанье было готово, тогда Автомедонъ принесъ хлѣбъ въ прекрасныхъ корзинахъ, а мясо раскладывалъ каждому самъ Ахиллъ. Всѣ вмѣстѣ подкрѣпились пищею и питьемъ. Старецъ Пріамъ удивлялся величественной красотѣ Ахилловой и росту его, но и Пелидъ также дивился Пріаму, глядя на почтенное исполненное благородства лице его и внимая мудрымъ рѣчамъ старца. По окончаніи ужина Пріамъ сказалъ своему хо-

зяину : «Любимецъ Зевсовъ, благородный Ахиллъ, дозвожь мнѣ теперь подкрѣпиться сномъ; еще ни разу не смыкалъ я глазъ моихъ съ тѣхъ поръ, какъ сынъ мой окончилъ жизнь свою и въ первый разъ еще вкусилъ я и хлѣба и вина.»

Ахиллъ тотчасъ повелѣлъ своимъ служителямъ и рабынямъ устроить въ сѣняхъ двѣ постели, покрыть ихъ пурпурными покрывалами, сверху положить мягкіе ковры и шерстяныя мантии, для того, чтобы старцамъ одѣться. Пльнницы вышли съ пылающими свѣточами въ рукахъ и все изготовили, какъ было сказано. Тогда Пелидъ ласково говорилъ своему гостю: «лягъ здѣсь, почтенный старецъ ! можетъ быть, кто нибудь изъ Данаевъ или даже изъ царей ихъ, вдругъ придетъ ко мнѣ для какихъ нибудь совѣтовъ, если они увидятъ тебя въ моемъ покоѣ и увѣдомятъ о томъ Агамемнона, тогда не ско-

ро возмешь ты уже искупленное тѣло твоего сына. Еще одно слово : скажи мнѣ , Дарданидъ ! сколько дней нужно тебѣ для погребенія славнаго твоего сына ? На столько времени я самъ не выду въ битву и не допущу выходить другихъ.» Приамъ отвѣчалъ : « когда ты столько уже благосклоненъ ко мнѣ , благородный Пелидъ , то я прошу на совершеніе погребенія одиннадцать дней. Мы осаждены въ городъ , за лѣсомъ должно ѣздить на горы , довольно далеко. Девять дней желалъ бы я оплакивать въ домѣ моего Гектора , въ десятый совершить погребеніе и учредить похоронный обѣдъ , въ одиннадцатый день насышемъ надгробный холмъ , а въ двѣнадцатый если такъ должно , выдемъ сражаться.» « Да будетъ по твоему желанію » сказалъ Ахиллъ , « на столько времени я остановлю Данаевъ.» Такъ говоря , онъ коснулся до правой руки старца ; чтобы совершенно изгнать

страхъ изъ его души, и потомъ всѣ въ эту ночь предались успокоительному сну, какъ люди, такъ и самые боги.

Но благодѣтельный и заботливый Гермесъ одинъ бодрствовалъ: онъ думалъ о томъ, какимъ бы образомъ проводить обратно въ священную Трою Царя Пріама, непримѣтно для Грековъ. Снова сошелъ Посланникъ боговъ съ высотъ Олимпа и сталъ у изголовья постели Пріамовой; «ты спишь, старецъ,» говорилъ онъ ему, «ты не думаешь объ опасности находясь среди враговъ; Пелидъ пощадилъ тебя, но если Агамемнонъ или другіе Цари Ахейскіе провѣдаютъ о томъ, что ты здѣсь, то задержать тебя, и дѣти твои должны будутъ дать за тебя тройной выкупъ.»

Устрашенный Пріамъ, выслушавъ Гермесову рѣчь, поспѣшно всталъ и разбудилъ Идею; Меркурій самъ запрягъ обѣ колесницы и царскую и воровую, которою правилъ Идей. Никѣмъ не-

примѣченные быстро проѣхали старцы и съ ними Гермесъ станъ Греческій и когда достигли до береговъ Ксанѳа, тогда посланникъ боговъ оставилъ ихъ.

ПОЯВЛЕНІЕ ГЕКТОРА.

Пріамъ и вѣстникъ Идеи продолжали путь къ Иліону. Въ крѣпости все еще покоилось сномъ и никто не видалъ приближенія Царя къ воротамъ Скамандрскимъ, но Кассандра, вставъ на зарѣ, пошла на крѣпость Пергамскую и въ дали еще увидѣла своего отца, стоящаго въ Царской своей колесницѣ, а за нимъ Идея, и на колесницѣ, имъ управляемой, тѣло Гектора. Зарыдала Кассандра и громко стала кричать, «Трояне и жены Троянскія! выходите на встрѣчу Гектору! Онъ возвращается въ Трою, но ахъ, мертвый, а не живой! Трояне! прежде вы встрѣчали его съ

радостію, когда онъ возвращался побѣдителемъ, теперь воздайте честь умершему! Всѣ Трояне и Троянки, услышавъ эту вѣсть, бросились бѣжать на встрѣчу тѣла; сердца всѣхъ объяла неслезанная горестъ. Передъ воротами остановилась большая толпа народу, мать и жена Гекторова опередили всѣхъ и бросаясь къ колесницѣ, заставили остановиться Идея. Обѣ, громко рыдая, поверглись на мертвое тѣло, цѣловали голову Гектора, и рвали на себѣ волосы. Народъ, также проливая слезы, окружилъ ихъ, и толпа безпрестанно умножалась; печальная колесница простояла бы у воротъ до вечера, если бы наконецъ Пріамъ не воскликнулъ къ народу: «дайте дорогу, друзья! пропустите муловъ. Будетъ намъ время наплакаться, когда Гекторъ мой будетъ у меня въ домъ! По Царскому повелѣнію народъ разступился и колесницы въѣхали въ городъ.»

По прїѣздѣ къ дому Пріамову , тѣло Гекторово сняли съ колесницы и положили на богатый одръ. Призвали тотчасъ похоронныхъ пѣвцовъ , начинателей плача , которыхъ печальное пѣніе соединялось съ воплями женъ. Первая подошла къ мертвому цвѣтушая красотою Андромаха, горько рыдая, и обнявъ руками голову своего мужа, стала она причитать жалобно: «другъ мой прекрасный! рано ты умеръ, рано оставилъ меня вдовою , рано младенецъ мой узнаеть имя сироты. Не возрасти ему безъ отца! и Троя погибнетъ безъ тебя, храброго своего защитника. Повлекутъ въ неволю женъ и дѣтей и меня также. Милый мой сынъ ! съ матерью вмѣстѣ ты испытаешь тяжкую неволю у суроваго господина, съ нею вмѣстѣ изнурись въ работѣ; а можетъ быть, кто нибудь изъ Грековъ въ отмщеніе за смерть сына или брата , сраженнаго Гекторомъ, сброситъ тебя съ башни на

землю! Многихъ лишилъ жизни въ битвѣ Гекторъ, много будетъ и мстителей. Гекторъ! какую печаль нанесъ ты своему отцу и матери, мнѣ же, несчастной, болѣе всѣхъ! Если бы ты умеръ въ дому твоёмъ, то, лежа на смертномъ одрѣ, подалъ бы мнѣ твою милую руку и на прощанье сказалъ бы завѣтное, мудрое слово, а я бы во дни и въ ночи его повторяла, обливаясь слезами.»

Тутъ подошла мать Гекторова, и такъ говорила: «любимое дитя мой! всѣми любимый и людьми и богами! Боги и по смерти сохранили отъ поврежденія тѣло твое: пронзенный копьемъ, по камнямъ и праху влачимый, ты лежишь предъ нами свѣжъ и невредимъ, какъ будто бы ты принялъ смерть отъ золотой стрѣлы Фебовой, пущенной незримо для всѣхъ!» Такъ говорила мать, сама себя утѣшая, а между тѣмъ слезы катились изъ глазъ ея.

Елена подошла послѣ нея къ одру съ сердечной печалью: и такъ говорила: «добрый мой сродникъ, Гекторъ, любимый братъ мой! изъ всѣхъ братьевъ втораго моего мужа ты былъ добрѣ всѣхъ для меня и я любила тебя болѣе всѣхъ. 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставила Спарту: ты во все это время не сказалъ мнѣ обиднаго слова. Свекоръ всегда былъ ко мнѣ такъ милостивъ, какъ отецъ; но часто и деверья, и золовки и даже свекровь меня попрекали; ты, Гекторъ, всегда смягчалъ ихъ, при тебѣ всѣ становились добрѣе. Въ тебѣ я потеряла отраду и друга, теперь всѣ меня возненавидятъ.»

Вся семья Царская и народъ долго плакали; наконецъ Пріамъ сказалъ Троянамъ: «ступайте друзья, и рубите лѣсъ для костра. Не бойтесь Аргивцевъ: знаменитый Ахиллъ общалъ мнѣ не тре-

вожить насъ одиннадцать дней, пока не совершимъ погребенія. »

Трояне поспѣшили исполнить волю Пріамову, запрягли въ возовыя колесницы лошаковъ и воловъ подъяремныхъ и цѣлые девять дней возили лѣсъ въ городъ. Въ десятый день, рано на зарѣ, съ воплемъ и слезами положили на костеръ тѣло Гектора и предали пламени. Въ одиннадцатый день рано собралось множество народа къ сгорѣвшему костру; братья и друзья Гектора залили тлѣющія уголья багрянымъ виномъ, собрали бѣлые кости Героя, положили въ золотой ковчегъ, покрыли его пурпурнымъ покровомъ и опустили въ могилу. Сверху обложили мѣсто большими камнями и наметали высокій курганъ. Въ это время кругомъ разставлена была стража, на случай внезапнаго нападенія Грековъ. Въ этотъ же день былъ отправленъ блистательный похо-

ронный обѣдъ, а потомъ всѣ разошлись по домамъ.

Такъ погребли Трояне своего защитника Гектора. (*)

(*) Этимъ оканчивается повѣствованіе Иліады;— дальнѣйшіе рассказы о судьбѣ главныхъ героевъ войны Троянской и разрушеніи самой Трои мы заимствуемъ въ краткомъ очеркѣ изъ Квинта Смирнскаго, Софокла и Енеиды.

по домашнему, а потому и в войну не
покинул своего дома.

Однако, несмотря на то, что он
был в войну, он не перестал

быть человеком и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

Он был человеком, который не
боялся трудностей и в войну, и в мир.

ИСТОРИЯ ХОРВАТОВЪ.

Источникъ, изъ котораго мы можемъ почерпнуть первыя извѣстiя о Хорватахъ, есть сочиненiе Греческаго Императора Константина Багрянороднаго (945-59) *объ управленiи Имперiей*. Онъ рассказываетъ, что они въ 630-хъ годахъ утвердились въ Сѣверной Далмации, куда пришли подъ предводительствомъ пяти Князей братьевъ, Клукаса, Лобела, Косенца, Мухла, Хорвата и двухъ сестеръ ихъ Туги и Буги. Это происшествiе не должно отпосить

къ цѣлому народу Хорватовъ , а только къ нѣсколькимъ или, можетъ быть, даже къ одному роду , призванному или пришедшему властвовать надъ осѣдлыми тамъ уже прежде Славянскими общинами. Часть этихъ Хорватовъ отдѣлилась и заняла Иллирію и Паннонію: подъ послѣднею разумѣль , вѣроятно , Константинъ страну между Кульпою, Савою и Дравою. Въ самомъ дѣлѣ мы позднѣе находимъ Хорватовъ въ этихъ границахъ раздѣленными на два отдѣльныхъ союза— Хорватовъ Далматскихъ и Посавскихъ. Столицею первыхъ былъ Бѣлградъ на Адриатическомъ морѣ; его развалины видны доселѣ недалеко отъ Задра; у вторыхъ Сисекъ при впаденіи Кульпы въ Саву.

Далматскіе Хорваты были раздѣлены на одиннадцать общинъ, коихъ имена почти всѣ сохранились: какъ Ливна, Цетиня, Имота, Приморье (у Константина

Παραθαλασσία), Брибиръ, Нона, коей развалины тоже видны близъ Задра, Книнъ и др. Кромѣ этѣхъ одиннадцати, еще три другія общины (Кърбава, Лика и Гацко) находились подъ управленіемъ одного Князя, называвшагося Баномъ и подвластнаго Великому Князю Хорватскому.

Отдѣльно отъ этѣхъ общинъ существовали нѣкоторые приморскіе города и острова прибрежные: *Rausium* или *Ragusia*, у Славянъ Дубровникъ, — Трагумъ, у Славянъ Трогиръ, у Итальянцовъ Трау, — *Zadera*, Задаръ, *Zaga*, островъ Арба или Рабъ и др. Они находились подъ непосредственнымъ владычествомъ Императоровъ Византійскихъ и преимущественно назывались Далмаціей, въ отличіе отъ земель подвластныхъ Князю Хорватскому, а жители ихъ Римлянами, хотя вскорѣ и ихъ населеніе сдѣлалось почти исключительно Славянскимъ. Хорватскіе Князья, хотя не были прямо

подвластны Греческимъ Императорамъ, но сначала находились однакожь въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ и платили имъ дань.

Въ то самое время, когда возникли Хорватскія Княжества, Императоръ Ираклій уже заботился о введеніи между ними Христіанской вѣры. Тогда не было еще раздѣленія между церквами Западною и Восточною; и та и другая слѣдовали постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ. Императоры Восточные послѣ разрушенія Западной Имперіи считали себя верховными владыками надъ землями, нѣкогда принадлежавшими Западной половинѣ Имперіи. Къ тому же нижняя и частію средняя Италія еще находились тогда въ прямой зависимости отъ Императора Восточнаго. Страна, занятая Хорватами, принадлежала къ Патріархату Римскому и потому весьма естественно, что Ираклій Римскому Патріарху или Папѣ, какъ онъ тогда уже

называлъ себя, поручилъ обращеніе ихъ къ Христіанству. Къ несчастію Папы уже тогда обнаруживали стремленія, образъ дѣйствія, противные духу церкви Христіанской. Къ язычникамъ обращались они не съ тѣмъ ученіемъ духовнымъ, которое легко проникаетъ въ сердца и умы не гордящихся образованностію язычниковъ; они начинали прямо съ внѣшняго устройства, съ учрежденія епископствъ, съ подчиненія Іерархіи и внѣшнему единству.

На востокъ Священныя книги были переводимы на всѣ языки, исповѣдовавшіе Христа; Христіанское богослуженіе совершалось у каждаго новообращеннаго народа на его языкъ родномъ: кромѣ Греческаго и Еврейскаго, на Сирійскомъ, Армянскомъ, Коптскомъ, Славянскомъ, Арабскомъ и др. Въ странахъ же, подчиненныхъ духовной власти Патріарха Римскаго, — на одномъ Латинскомъ. Папамъ

не было нужды, понимали-ли этотъ языкъ племена, обращаемаы ими въ Христіанство: того требовало внѣшнее единство древняго Рима. Не на святости своей жизни, или чистотѣ ученія, Папы основывали свои притязанія, а на величїи и гордости Рима языческаго. На Западѣ еще жили во всей силѣ всѣ преданія древняго міра и Римскій Папа перенесъ на себя понятіе о всемірномъ владычествѣ Римскаго Императора и захотѣлъ осуществить его въ области церковной, и даже гражданской.

Константинъ Богрянородный рассказываетъ о договорѣ, заключенномъ между Папою Іоанномъ IV и Хорватскимъ Княземъ Поргою, сыномъ одного изъ пяти братьевъ. Порга будто общался клятвенно не предпринимать никакихъ войнъ съ сосѣдями безъ дозволенія Папы, и ввѣриться вполнѣ его покровительству и охранѣ, какъ преемнику Св. Петра. Ученіе Христіанское представле-

но было Хорватамъ подъ видомъ Папской охраны, вмѣсто духовнаго назиданія человѣка. Но Хорваты пока еще не нуждались въ чужомъ покровительствѣ,— народъ не принялъ такого Христіанства и самые Князья скоро отъ него отступились. Сохранились одни Епископства тамъ, гдѣ они были уже и прежде, въ древнихъ колоніяхъ Римскихъ. Архіепископство въ Сплитѣ (Spalatro) перенесено было туда изъ древней Салоны, разрушенной Аварами.

Вмѣстѣ съ зависимостію отъ Папы исчезла также и зависимость отъ Императоровъ Восточныхъ. За Князьями Хорватскими освободились отъ нея и приморскіе города Далмаціи. Хорваты мирно занимались хлѣбопашествомъ и торговлею; на корабляхъ своихъ посѣщали они рынки уже возникавшей тогда Венеціи. Болѣе полутора ста лѣтъ молчатъ объ нихъ историки, которыхъ обыкновенно мало занимаетъ спокойная жизнь

народовъ. Но изъ свидѣтельствъ Константина Багрянороднаго можно заключать, что въ это время значительно увеличилось ихъ число и благосостояніе. Онъ считаетъ въ ихъ сухопутномъ войскѣ до 160,000 человекъ; а морскую силу полагаетъ въ 80 кораблей большихъ, по 40 человекъ на каждомъ, и въ 100 меньшихъ, отъ 20 до 10 человекъ. Этимъ благосостояніемъ—плодомъ своихъ трудовъ и внутренняго благоустройства,—подобно Сѣверо-Западнымъ своимъ братьямъ на берегу Балтійскомъ, пользовались они до тѣхъ поръ, пока не коснулся ихъ натискъ народовъ Западныхъ, котораго не могли они долго выдерживать. Въ ихъ внутреннемъ устройствѣ, основанномъ на началахъ семейныхъ и общинныхъ, но безъ внѣшней Государственной крѣпости, крылись уже, можетъ быть, причины внутреннихъ пагубныхъ раздоровъ и скорого упадка, также какъ и причины ихъ вре-

меннаго благосостоянія, привязанности къ миру, труду и общежителъству.

Уже при первомъ занятіи странъ Иллирійскихъ Князья Хорватскіе пришли въ соприкосновеніе съ дружинами Германскими. Ихъ Западные единоплеменники, Венды, или собственно называемые Словенцы, были уже съ 631 года подчинены Маркграфу Фріульскому. Положеніе Хорватовъ въ этомъ отношеніи было гораздо невыгоднѣе, чѣмъ положеніе Сербовъ и Болгаръ. Въ концѣ 8-го столѣтія ихъ достигло оружіе Франковъ. Послѣ того какъ Карлъ Великій побѣдилъ Лангобардовъ и Византійцевъ въ Италіи, свергнувъ Баварскаго Князя Тотилу, завладѣлъ Фріулемъ и землями Словенцевъ, Хорваты Посавскіе не могли ему долѣе противиться. Карлъ поставилъ своихъ Маркграфовъ въ Фріуль и Истрію, и подчинилъ имъ туземныхъ Князей Посавскихъ Хорватовъ (789 г.). Въ послѣдствіи и

Далматскіе Хорваты также признали надъ собою власть Франковъ (806 г.). По смерти Карла Великаго, когда въ Германіи властвовалъ сынъ его Людовикъ Нѣмецкій, Посавцы, угнѣтаемые Графомъ Фріульскимъ, не могли долѣе сносить ига. Не удачно было ихъ возстаніе подъ предводительствомъ великаго жупана Людевита. Онъ долженъ былъ бѣжать къ Хорватамъ Далматскимъ; но въ Князь ихъ онъ нашелъ союзника Франковъ, и былъ убитъ его происками. Раздѣленіе Хорватовъ на Посавскихъ и Далматскихъ тогда исчезло; жестокости Франковъ увеличились. Константинъ Багрянородный рассказываетъ, что ихъ неистовства противъ порабощенныхъ Славянъ доходили до того, что они убивали младенцевъ и бросали ихъ на съѣденіе псамъ. Народъ убилъ наконецъ Князей, поставленныхъ надъ нимъ Франками, и подъ предводительствомъ Князя Порина началъ войну

(825—830): она кончилась совершеннымъ ихъ освобожденіемъ. Поринъ управлялъ съ тѣхъ поръ всею занятою ими землею. Только страна между устьями Савы и Дравы, называемая теперь Сремомъ, въ это несчастное для Хорватовъ время, отошла во власть Болгаръ, послѣ Сербовъ. Городъ Задаръ избралъ себѣ особеннаго правителя, названнаго Дуждемъ, отъ Лат. *dux*, Итал. *doge*.

При постоянно угрожавшей опасности отъ нападеній со стороны Франковъ Князь Хорватскій Поринъ, увидавъ нужду въ покровительствѣ Папы, увѣрилъ Григорія IV въ своей преданности и возобновилъ съ нимъ договоръ, заключенный Поргою съ Іоанномъ IV. Но и онъ и народъ его были также мало Христіанами, какъ и предшественникъ его за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ.

Можно сказать утвердительно, что не смотря на то, что Латино-Нѣмецкіе

проповѣдники уже съ VII-го стол. посѣщали земли Славянскія, что вся Богемія (Чехія) была крещена въ 845 году,— въ это время однокожъ искренними Христіанами между Славянами были только тѣ, которые получили крещеніе отъ церкви Восточной.

Славянскія семьи, уже съ IV столѣтія начавшія селиться въ предѣлахъ Восточной Имперіи, приняли Христіанство, какъ скоро вошли въ общеніе съ Греками. Источникъ, изъ котораго выходила проповѣдь Христіанская отъ Византіи, была любовь Христіанская: ей не могли противиться простыя сердца язычниковъ, не омраченныхъ гордостію дряхлаго образованія древняго міра. Мимо всѣхъ соблазновъ, мимо всѣхъ обѣщаній, она дѣйствовала прямымъ ученіемъ духа, пользуясь одними чистыми и духовными средствами къ его распространенію.

Около 860 года два брата родомъ

изъ Солуня (Θεσσαλονικι), города въ то время полуславянскаго, полугреческаго, Константинъ, въ монашествѣ названный Кирилломъ, и Меѳодій, видя что единственное препятствіе къ распространенію слова Божія между Славянами заключалось въ томъ, что слово Божіе не передается имъ на языкъ понятномъ, предприняли святое дѣло—перевести Богослуженіе и нужнѣйшія книги Священнаго Писанія на Славянскій языкъ, для чего и составили Славянскую азбуку съ помощію Греческой, къ которой прибавили нѣсколько буквъ, недостающихъ въ ней для выраженія звуковъ Славянскихъ.—Жизнь и труды этихъ двухъ первоучителей должны составить предметъ особой статьи. Какъ скоро переведена была Литургія, какъ скоро слышалось ученіе Евангельское на языкъ Славянскомъ, оно вдругъ распространилось по всѣмъ землямъ Славянскимъ. Нѣкоторые Князья присылали

сами ко Двору Византійскому просить учителей Вѣры. Кирилль утвердилъ Христіанство въ Хозаріи (въ Юговосточ. предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи), вмѣстѣ съ Меѳодіемъ въ Болгаріи и Моравіи. Въ это же время оно утвердилось въ Сербіи, и Русскіе съ Аскольдъ и Диромъ принесли новыя семена Христіанства изъ Царьграда въ Кіевъ. Тогда и Хорваты при Князѣ своемъ Сдѣславѣ въ 868 г. отошли отъ Папы и присоединились къ Патріаршесвту Константинопольскому. Отсюда должно полагать ихъ истинное обращеніе къ Христіанству.

Въ это же самое десятилѣтіе начался совершенный разрывъ между западною и Восточною церковію. Папы стали употреблять еще большія усилія, чтобы отторгнуть наиболѣе земель и народовъ отъ паствы Патріарха Цареградскаго. Болгарію они уже утратили безвозвратно. Ихъ старанія обратились тогда

преимущественно на ближайшую къ нимъ Хорвацію. Много имѣли они средствъ къ исполненію своихъ намѣреній. Отношенія народовъ къ Западной и Восточной Церкви еще не успѣли опредѣлиться. Недавно еще не было никакого видимаго раздѣленія между церквами; Римскаго Папу признавали и на Востокъ старшимъ изъ Епископовъ; еще недавно Западные Епископы обращались къ Восточнымъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Отсюда видно, какъ легко было проникать соблазну, съ которымъ обращались Папы къ старшинамъ свѣтскимъ и духовнымъ, предлагая имъ выгоды Западной Аристократіи, Западнаго феодализма и Іерархіи. Раздоры между Славянскими Князьями много помогали Папамъ. Одно Славянское Богослуженіе для тѣхъ народовъ, которые имѣли счастье получить и удержать его, еще было крѣпкою связью съ Православіемъ.

Уже въ 879 году Сдѣславъ былъ убитъ Княземъ Браниміромъ, который отдался подѣ покровительство Папѣ. Іоаннъ VIII въ письмѣ своемъ хвалитъ его между прочимъ и за то, что онъ запретилъ Славянскій языкъ въ Богослуженіи. Такое же увѣщательное, если не похвальное, письмо писалъ онъ къ духовенству Солинскому. Браниміръ послалъ въ Римъ для посвященія въ Епископы діакона Нинскаго; ибо ни Іоаннъ, Протопресвитеръ Солинскій, ни Виталій, Епископъ Задарскій, ни Доминикъ, Епископъ Озерскій, не хотѣли получать посвященія изъ Рима. Упреки Папскія подѣйствовали такъ мало, что въ это же время новый Архіепископъ Сплитскій (Spalatro), Маринъ, былъ поставленъ въ этотъ санъ Патріархомъ Аквилейскимъ, подчиненнымъ Цареградскому. Папы продолжали однакожь свои происки. Князья были слабы: спокойствіе земли было иногда возмущаемо нападеніями могу-

щественныхъ Болгаръ. Съ другой стороны около этого времени начали уже свои нападенія Венгры, или Угры, народъ племени Чудскаго (Венгры сами себя называютъ Мадьяры), въ концъ 9-го столѣтія овладѣвшій Панноніею, издревле заселенною Славянами. Между самими Князьями Хорватскими происходили междоусобія. Въ началъ 10-го столѣтія Банъ Хорватскій, начальникъ трехъ отдѣльныхъ общинъ, возсталъ на Великаго Князя и овладѣлъ престоломъ. Эти смуты содѣйствовали какъ нельзя лучше всѣмъ намѣреніемъ Папъ. Ихъ сторону держала часть жителей приморскихъ городовъ, происшедшая отъ древнихъ Римскихъ колонистовъ, и особенно поставленные въ эти города Римскіе Епископы. Они жаловались Папъ Іоанну X, что Григорій, Хорватскій Епископъ въ Нонъ, вездѣ вводитъ Славянское Богослуженіе и посвящаетъ людей, незнающихъ ни

іоты по латынѣ. Папа тотчасъ отправилъ пословъ и въ 925 году состоялся соборъ въ Сплитѣ, коимъ запрещено было впредь посвящать или возвышать въ какую либо духовную степень людей, знающихъ одинъ Славянскій языкъ. Григорій Нонскій объявилъ Папѣ свое неудовольствіе. На новомъ соборѣ, въ 928 году, въ Салонѣ прежнее постановленіе было подтверждено; но Григорію дозволено учредить три новыхъ Епископства для Хорватовъ, въ Скрадинѣ, Сисекѣ и Дувнѣ. Такимъ образомъ совершалось уже тогда рѣзкое отдѣленіе между жителями внутренней и горной страны и жителями городовъ приморскихъ, отличіе, которое мы можемъ прослѣдить чрезъ всѣ послѣдующія столѣтія до нашего времени. У лѣтописцевъ первыхъ крестовыхъ походовъ въ описаніи Далмаціи народъ внутреннихъ селъ и городовъ изображается варварскимъ, а города приморскіе образованными, что

повторяютъ и многія описанія новѣйшихъ временъ. Такое же раздѣленіе было сначала и между Епископами. Нѣкоторые еще долго держались стороны народа.

Князья Хорватскіе находились между тремя силами, съ которыми они должны были бороться или ладить. Съ одной стороны Императоры Византійскіе, еще имѣвшіе владѣнія въ нижней Италіи, съ другой Короли Венгерскіе и Папы. Въ концѣ X столѣтія послѣ побѣдъ Цимійскаго воскресло на нѣкоторое время могущество Имперіи Восточной. Князь Хорватскій Держиславъ, 990 г., отдалъ себя подъ покровительство Императоровъ Василія и Константина (при коихъ крестилась Русская земля) и получилъ отъ нихъ титулъ Короля, который удержали и его наслѣдники. При немъ и при Кресимірѣ III (какъ Король I) возмужавшая Республика Венеціанская стала распространять свои владѣнія на счетъ приморскихъ городовъ Далмаціи.

Дожъ Венеціанскій, Петръ Урсеоль II, овладѣлъ городами Задромъ, Трогиромъ, Сплитомъ и островами Къркомъ, Рабомъ и Корчулою. Сильнѣйшимъ Королемъ Хорватскимъ былъ Кресиміръ II, внукъ перваго. Съ помощію Венгровъ онъ успѣлъ около 1050 г. на нѣкоторое время возвратить отнятыя еще въ 995 г. Венеціанцами города, и принялъ названіе Короля Хорватскаго и Далматскаго. Онъ учредилъ два новыхъ Епископства въ Бѣлградъ и Книнъ. Епископъ Книнскій былъ названъ Хорватскимъ и считался высшимъ сановникомъ при королевскомъ дворѣ. Его епархія простиралась до самой Дравы.

При этомъ Кресиміръ II былъ въ 1059 году знаменитый соборъ въ Сплитѣ. Города Далматскіе жаловались Папѣ Николаю II, что несмотря на запрещеніе Іоанна X, въ землѣ Хорватской продолжаютъ отправлять Богослуженіе на языкъ Славянскомъ. Папа отправилъ

Игумена Монте-Кассинскаго Майнарда, который созвалъ соборъ въ Сплитъ. Рѣшеніе этого собора отличалось отъ прежнихъ гораздо большею дерзостью. Повелѣно было Славянскія церкви заперѣть, Славянская Литургія была запрещена, письменность Славянская предана проклятію, а Меѳодій объявленъ еретикомъ. Въ это время уже забыли въ Римѣ, что Кирилль и Меѳодій самимъ Папою были поставлены въ Епископы, что Меѳодій тремя Папами былъ подтвержденъ въ этомъ санѣ и пользовался ихъ защитою противъ враговъ своихъ, Нѣмцевъ. Пишутъ, будто Король подтвердилъ постановленія Синода ! Но народъ собрался въ долину близъ Сени, выбралъ двухъ уполномоченныхъ—одного Игумена, другаго Епископа, именемъ Цедеду, и отправилъ ихъ въ 1061 году съ жалобою къ Папѣ Александру III. Къ нимъ присоединенъ былъ переводчикъ, священникъ Ульфила, въ-

роятно изъ Нѣмцевъ. Папа собственно-ручно выдралъ бороду у Цедеды. Ульфила объяснилъ Епископу, что Папа этимъ дѣйствиємъ утвердилъ его въ его санѣ. По возвращеніи изъ Рима Цедеда остался при своей должности и Славянскою литургіи. Въ 1063 году былъ еще созванъ соборъ въ Салонѣ: Ульфила по рѣшенію этого собора публично высѣченъ, заклеименъ и осужденъ на вѣчное заточеніе. Цедеда, осужденный на изгнаніе, съ помощію народа удержался однакожь на своемъ мѣстѣ до самой смерти. Послѣ него кажется Богослуженіе по Греческому обряду не совершалось болѣе между Хорватами, но языкъ Славянскій въ немъ сохранился. До сихъ поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хорватіи и на нѣкоторыхъ Далматскихъ островахъ служатъ Римскую Мишу на Славянскомъ языкѣ по книгамъ, печатаннымъ или писаннымъ особенною азбукою, названною Глаголитскою и изо-

брътенною, вѣроятно, послѣ запрещенія Кириловской. (Не надо забывать, что здѣсь мы говоримъ объ однихъ Хорватахъ. Въ послѣдствіи, особенно во время владычества Турецкаго, въ Далмаціи поселилось много Сербовъ; теперь Хорватское нарѣчіе не существуетъ даже и въ Сѣверной Далмаціи, вездѣ взяло верхъ Сербское; четвертая часть жителей этой страны Православные и Богослуженіе у нихъ производится на Церковно-Славянскомъ языкѣ, по древне-писаннымъ или въ Россіи печатаннымъ, книгамъ).

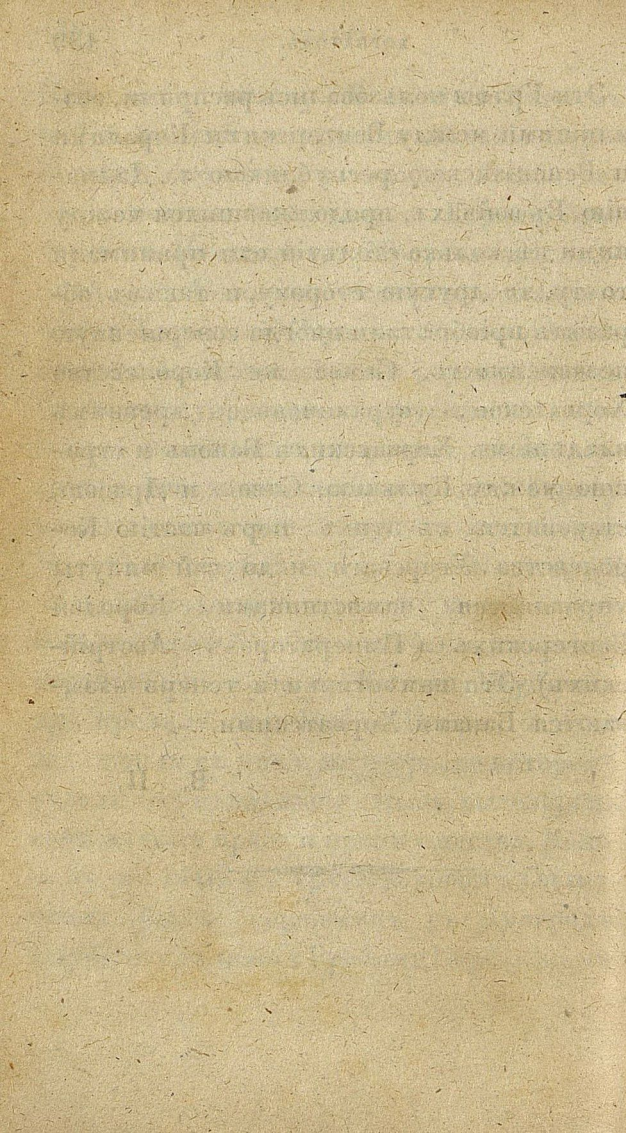
Въ одиннадцатомъ столѣтіи земля Хорватская подверглась нападеніямъ Норманновъ, поселившихся въ Южной Италіи. Они грабили страну и уводили плѣнныхъ въ противолежащую Апулію. Князья Хорватскіе искали союза и покровительства Королей Венгерскихъ и Папы, неблагопріятныхъ народу. Отдѣляясь отъ народа, они теряли въ немъ единственную надежную опору

Несогласія между Великимъ Княземъ и Удѣльными довершили паденіе Королевства, которое къ концу этого столѣтія подпало подъ власть Короля Венгерскаго Владислава. Противъ наслѣдника его Коломана восталъ однакожь одинъ Хорватскій Жупанъ, желавшій возстановить независимость страны; но онъ былъ предупрежденъ другими вельможами, желавшими напротивъ воспользо-ваться еще возможностью предать страну на выгодныхъ для себя условіяхъ. Когда Коломанъ приблизился съ войскомъ, 12 сильнѣйшихъ владѣтелей, коихъ имена имѣли послѣ большое значеніе въ этѣхъ странахъ, какъ на пр. Качичи, Шубичи и др., предали ему Князя Петра, а сами заключили съ нимъ договоръ, по которому отдали ему во владѣніе страну, выговоривъ себѣ личныя права и преимущества. Коломанъ, въ 1102 г., Архіепископомъ Сплитскимъ былъ коронованъ въ Бѣлградѣ: Шубичи сдѣлались Графами Корбавскими.

Эти Графы пользовались распрями, возникшими между Венгерскими Королями и Венеціанскою республикою за Далмацію. Въ войнахъ, продолжавшихся между ними нѣсколько столѣтій, они принимали то ту, то другую сторону, и такимъ образомъ пріобрѣтали иногда совершенную независимость. Самое же Королевство Хорватское, ограниченное древнимъ владѣніемъ Хорватскихъ Бановъ и страпою между Кульпою, Савою и Дравою, становится съ этихъ поръ частію Королевства Угорскаго и до сей минуты управляется намѣстниками Королей Венгерскихъ (Императоровъ Австрійскихъ). Эти намѣстники и теперь называются Банами Хорватскими.

В. П.

ЮАННА Д'АРКЪ.

СТАТЯ II.

Хотя и нельзя было надѣяться, чтобы Юанну скоро освободили; но слѣдовало ожидать, что съ нею будутъ обращаться, какъ съ военноплѣнною, по законамъ рыцарской чести. Ее ожидала однакожь совершенно иная участь. Изъ Французскихъ военачальниковъ одинъ Бургундскій герцогъ захотѣлъ видѣть ее, но и то изъ одного любопытства; а графъ Линьи, въ рукахъ котораго она находилась, хотя и показалъ въ началѣ нѣкоторое участіе

къ ней по просьбамъ своей благочестивой супруги; но, — какъ скоро епископъ Кошень-де-Бове, Парижскіе члены университета и инквизиторъ Мартенъ стали настоятельно требовать ея выдачи, а Англійскій король предъявилъ на Іоанну свои права, основанныя на ленныхъ обычаяхъ, и подкрѣпилъ свои требованія 6000 франковъ и ежегодною арендою въ 300 франковъ, — Липъи немедленно выдалъ Іоанну.

Тогда Кошень издалъ окружное посланіе, въ которомъ осыпалъ Іоанну ругательствами и дерзкими клеветами, и тогда обнаружилось, чего ей надо было ожидать въ будущемъ.

Въ то же время Кошень отнесся къ Парижскому университету, инквизитору Мартену и Руанскому капитолу, что производство процесса надъ Іоанною принадлежитъ ему по праву, ибо Іоанна поймана въ его епархіи, и что ее необходимо осудить какъ еретичку и кол-

дунью, чтобы такимъ образомъ запятнать въ понятіяхъ народа всю противную партію и самого Карла VII, какъ защитниковъ діавольскаго ученія и сподвижниковъ самого діавола.

Между тѣмъ Іоанна, заключенная въ замкъ Бореуаръ (въ Пикардіи), предчувствуя, можетъ быть, свою судьбу, думала найти спасеніе въ бѣгствѣ и бросилась съ тюремной башни, но такъ больно ушиблась при паденіи, что была найдена безъ чувствъ, схвачена и отвезена въ Руанъ. Здѣсь заключили ее снова въ башню, вѣнчивъ ей въ новое преступленіе ея попытку освободиться; заковали ноги ея въ оковы; провели цѣпь вокругъ пояса и прикрѣпили къ огромной деревянной колодѣ. Заказана была даже желѣзная клетка, куда думали въпослѣдствіи запереть ее, но не успѣли привести въ исполненіе.

Кошенъ надѣялся посредствомъ своихъ шпионовъ собрать въ родинѣ Іоанны

доказательства ея виновности; но собранныя ими свѣдѣнія послужили только къ большей чести Іоанны и засвидѣтельствовали всю ея невинность.

Хотя Англичане и считали Іоанну преступницей и желали ея осужденія, никто изъ нихъ однакожь не принялъ участія въ судѣ; но, къ стыду Франціи, нашлось для этого постыднаго дѣла 113 Французовъ и въ томъ числѣ доктора Богословія, множество духовныхъ лицъ и юристовъ, члены Парижскаго университета и проч.

Такимъ образомъ, послѣ долгихъ приготовленій, бесполезныхъ переговоровъ, начался наконецъ судъ надъ Іоанною д'Аркъ. Едва ли когда-нибудь законы правосудія были такъ безсовѣстно нарушаемы, какъ въ этомъ чудовищномъ процессѣ. 21 Февраля 1431 года, открыто было первое публичное засѣданіе. Въ просьбѣ Іоанны—выслушать напередъ Божественную литургію—было ей отказано, какъ

недостойной, по причинѣ ея ереси и преступленій. — Она поклялась сказать всю правду о томъ, что относится къ ея вѣрѣ и къ суду надъ нею, но отказалась напередъ отъ всякихъ показаній на счетъ короля. Ея обвинитель, Іоаннъ Эстивель, глава капитула въ Бове, одинъ изъ тѣхъ, которые всѣхъ болѣе были ожесточены противъ Іоанны, тоже присягнулъ въ томъ, что въ обвиненіи своемъ онъ не будетъ руководимъ лицепріятіемъ, мщеніемъ, страхомъ или ненавистью. Судьи объявили, что ими руководить будетъ благочестіе и кротость, ибо имѣютъ въ виду не мщеніе или наказаніе, а только наученіе и наведеніе на путь спасенія. Іоанна отвѣчала: «Благодарю васъ и всѣхъ предстоящихъ за ваше желаніе наставить меня въ вѣрѣ и направить на путь спасенія; но я никогда не уклонялась отъ путей Господнихъ, ибо все, что ни дѣлала, дѣлала по Его внушеніямъ.»

Послѣ всего этого, можно было, по видимому, ожидать нелицепріятнаго суда. Но вмѣсто того, въ самомъ обвинительномъ актѣ, написанномъ еще до слѣдствія, мы находимъ слѣдующее: «Іоанна весьма подозрительнаго поведенія и причиняетъ соблазнъ всѣмъ добрымъ людямъ. Ее должно объявить колдуньей, лжепророчицею, заклинательницею злыхъ духовъ, отвергающею Святую католическую вѣру, ибо произносить хулы на Бога и Святыхъ Его угодниковъ; она возмутительница, нарушающая миръ и спокойствіе; она возжигаетъ войну и жаждетъ крови; забывъ приличія своего пола, она носитъ одежду воиновъ. Однимъ словомъ, она отвержена Богомъ и людьми, преступница всѣхъ Божественныхъ и церковныхъ законовъ, соблазнительница царей и народовъ, еретичка и Богоотступница; давая цѣловать свои руки и одежды, она присвоиваетъ себѣ Божескую честь.»

Такимъ введеніемъ въ обвинительный актъ уже довольно обозначили себя и обвинители и судьи; но сверхъ того, мы должны прибавить, что два человека — Кошень, судья, и Эстивель, обвинитель — были вооружены, въ продолженіи всего процесса безпримѣрною злостію и жаждою мщенія. Вопросы были дѣлаемы такимъ образомъ, что самый опытный законовѣдецъ могъ запутаться въ отвѣтахъ. Ничто однакожь не могло привести Іоанну въ замѣшательство. Необыкновенная простота, ясность и прямота ея отвѣтовъ легко бы убѣдили всякаго въ ея совершенной невинности, если бы здѣсь дѣло шло объ убѣжденіи. Но ея приговоръ былъ заранѣе рѣшенъ, и не доставало только, чтобы онъ былъ облеченъ въ канцелярскую форму. Сами судьи однакожь не разъ принуждены были дивиться благородству и уму въ ея отвѣтахъ. Когда же спросили, какимъ колдовствомъ одушевляла

она воиновъ , Іоанна отвѣчала. « Я говорила имъ,— идите на Англичанъ, я пойду первая,— и они слѣдовали за мною.» Когда сдѣланъ ей былъ вопросъ : находится ли она подѣ благодатью ? Іоанна, не запинаясь , отвѣчала : « Если я нахожусь подѣ благодатью, то да сохранить меня въ ней Господь; если же нѣтъ, то да низойдетъ Его благодать на меня, ибо лучше мнѣ умереть, нежели быть внѣ любви Божіей. »

Враги ея подослали къ ней въ темницу шпиономъ одно духовное лице — Лоазелёра, подѣ видомъ военнопленнаго: онъ вкрался къ ней въ довѣренность и она повѣрила ему многое, чего не открыла бы иначе. Во время ихъ бесѣдъ, два писца въ потаенномъ мѣстѣ записывали каждое ея слово. Но и въ этой откровенной бесѣдѣ Іоанна оказалась такою же невинною , какъ и въ публичныхъ допросахъ.

Процессъ тянулся, и дѣлоросло до

того, что найдено было необходимымъ сдѣлать изъ него извлеченіе. Извлеченіе было сдѣлано въ 12 обвинительныхъ пунктахъ; но эти 12 пунктовъ были составлены такимъ образомъ, что всѣ обвиненія представлены были, какъ будто доказанныя. За тѣмъ они были посланы въ Парижскій Университетъ, гдѣ множество богослововъ и юристовъ ихъ изслѣдовали, и, принимая всѣ обвиненія за доказанныя, объявили Іоанну виновною. Большая часть Руанскихъ докторовъ и магистровъ пристала также къ рѣшенію Парижскаго университета. Потомъ, передали дальнѣйшее производство дѣла въ руки нѣсколькихъ сановниковъ, которые должны были требовать отъ Іоанны, чтобы она подчинилась суду церкви и *отреклась отъ дѣлъ своихъ*.

Эти требованія должны были, во всякомъ случаѣ, оказать Іоанну виновною. Если она откажется признать надъ собою судъ церкви, то тѣмъ самымъ обна-

ружить свою ересь; если же разъ признаетъ надъ собой ея судъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ признаетъ напередъ и всякій приговоръ, какой бы ни былъ произнесенъ надъ нею. Даже если она не отречется отъ дѣлъ своихъ, то будетъ подлежать наказанію за свое ослушаніе; если же отречется, тѣмъ самымъ признаетъ себя виновною во всѣхъ взводимыхъ на нее преступленіяхъ.

Судьи рѣшили, наконецъ, прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, ибо видѣли, что угрозы и льстивыя увѣщанія на нее не дѣйствовали. Она постоянно отвѣчала на тѣ и другія однимъ и тѣмъ же: «У меня никогда не было въ намѣреніи говорить, или дѣлать что-либо, противное Христіанской вѣрѣ и церкви. Напротивъ, желаю искренно исправлять въ себѣ всякое заблужденіе, жить и умерѣть, какъ слѣдуетъ доброй Христіанкѣ. Что же касается до словъ моихъ и дѣлъ, то поручаю себя Богу, Котораго я люблю

всѣмъ сердцемъ. Онъ внушалъ мнѣ дѣла мои и откровенія мои, и не знала я никакого посредника между Имъ и собою (ибо ее обвиняли въ колдовствѣ и пр.). Если меня осудятъ и возведутъ на костеръ, то и среди пламени, до послѣдней минуты, я останусь вѣрною себѣ, тому, что разъ сказала и во что доселѣ вѣрила.»

Тогда Епископъ Бовескій и его помощники рѣшились произвести торжественный судъ надъ Іоанной и вынудить отъ нея то, на что она не соглашалась добровольно.

Мая 24 дня, 1431 года, Іоанну привели на кладбище. Тамъ приготовлены были два большія возвышенія. На одномъ находились епископъ Бовескій и Контскій, кардиналъ Винчестерскій и 33 прочихъ членовъ суда, на другомъ— Іоанна и при ней докторъ Богословія Вильгельмъ Эрардъ. Вокругъ толпилось множество народа, а въ сторонѣ на повозкѣ, запряженной че-

тырьмя лошадыми, сидѣль палачъ, готовый вести Іоанну на мѣсто казни. Эрардъ сказалъ длинное обвиненіе противъ Іоанны. Пока его обвиненія касались ея одной, Іоанна слушала съ кротостію и молчала; но когда Эрардъ воскликнулъ: «говорю тебѣ, Іоанна, что твой король еретикъ и раскольникъ,» — Іоанна не выдержала и сказала: «простите мнѣ, если я осмѣливаюсь говорить, но клянусь жизнію въ истинѣ словъ моихъ, что король мой благороднѣйшій изъ Христіанъ, что онъ вѣренъ церкви и вовсе не таковъ, какимъ вы его считаете.» Но въ отвѣтъ на эти слова ей вѣльно было молчать.

Послѣ обвинительнаго слова, слѣдовало тó, что называли тогда ласковымъ увѣщаніемъ. Когда ей стали читать отреченіе, на которое она должна была дать свое согласіе, Іоанна сказала: «я не понимаю смысла этихъ словъ.» Наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній, отдать-

ся на судъ церкви, ради ся же спасенія... «да будетъ такъ», сказала Іоанна, «я отдамъся на судъ церкви, пусть она рѣшитъ, должна ли я отречься, или нѣтъ.»

Тогда, поймавъ ее тотчасъ на словъ, Эрардъ воскликнулъ: «тотчасъ же отрекись, или же сегодня ты будешь на кострѣ.» Ей прочитали отреченіе, которое содержало въ себѣ одно обѣщаніе не носить оружія и мужескаго платья. Іоанна однакожь все еще колебалась, тѣмъ болѣе, что она не умѣла ни читать ни писать. Но наконецъ угрозами и обѣщаніями — не медля освободить ее, если подпишетъ, — вынудили ея подпись. Но, при подписываніи бумаги, отреченіе, которое было ей прочитано, замѣнено было другимъ, въ которомъ пространно изложены были, какъ доказанные, всѣ прежніе 12 обвинительныхъ пунктовъ.

Лишь только Іоанна подписала, епископъ Бовескій торжественно сказалъ ей: «иди же въ вѣчное заключеніе на горь-

кую пищу хлѣба и воды; оплакивай свои прежнія преступленія и благодари Бога, что лишена возможности посягать на новыя.»

Ее опять отвели въ прежнюю тюрьму. Однако же многіе были недовольны этимъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ краткимъ рѣшеніемъ, и обвиняли епископа Бовескаго и прочихъ судей. Но одинъ изъ судей успокоилъ ихъ, сказавъ: «не бойтесь, мы ее опять поймемъ»

Въ тюрьмѣ съ нею обходились еще строже и оскорбительнѣе прежняго. Однажды утромъ, Іоанна, прикованная къ своей постели, не нашла своей женской одежды. Она была съ намѣреніемъ унесена и на мѣсто ея положено мужское одѣяніе, котораго Іоанна обѣщала не носить болѣе. Замѣтивъ это, Іоанна сказала стражѣ: «вы знаете, что эта одежда мнѣ запрещена.» Но ее не слушали, и наконецъ стыдливость принудила

Іоанну прикрыть себя хотя мужескимъ платьемъ. Тотчасъ извѣстили объ этомъ судей, и судьи, не слушая никакихъ оправданій, объявили, что Іоанна вновь впала въ прежнее преступленіе, что она неисправимая еретичка, недостойная сообщества людей и никакой пощады. Ее осудили быть сожженною.

30 Мая, 1431 года, Іоанна, которой едва, исполнилось 20 лѣтъ, была отвезена, подъ прикрытіемъ многочисленной стражи, на мѣсто казни. Мартынъ Лоазелёръ, мучимый раскаяніемъ, хотѣлъ пробраться до ея повозки, чтобы вымолить ея прощеніе и свидѣтельствовать за нее передъ народомъ; но стража не допустила его, и онъ долженъ былъ бѣжать изъ города.

Несмѣтная толпа собралась смотрѣть на ужасное зрѣлище. Докторъ Богословія, Николай Миди, составитель 12 обвинительныхъ пунктовъ, подъ видомъ проповѣди, снова началъ обвинять Іоанну

и жестоко упрекалъ ея въ мнимомъ ея вторичномъ паденіи. Епископъ Бовескій прочиталъ приговоръ. Услыхавъ его, Іоанна пала на колѣна и молилась такъ горячо, что многіе изъ окружавшихъ, даже нѣкоторые судьи и духовныя лица, тронуты были до слезъ; но главные судьи оставались непреклонными и сказали Іоаннѣ: «Церковь не можетъ тебя защищать болѣе, иди съ миромъ! Мы передаемъ тебя въ руки свѣтской власти и просимъ ея, чтобы ея приговоръ не былъ смертеленъ.»

Эти, по видимому, милостивыя слова были одною насмѣшкою.

Свѣтскій начальникъ Руана велѣлъ палачу дѣлать свое дѣло. Тогда надѣли ей на голову шапку, на которой крупными буквами написаны были слова: «Еретичка, неисправимая преступница, Богоотступница, идолопоклонница.» На доскѣ, близъ эшафота, на которомъ стояла Іоанна, была слѣдующая надпись:

«Іоанна, называющая себя дѣвственницею, обманщица, соблазнительница народа, опасная Богоотступница, идолопоклонница, сообщница дьявола и еретичка.»

Въ продолженіе всей этой сцены, Іоанна не показывала ни малѣйшаго смущенія. Душевная кротость, чувство своей невинности и преданность волю Божіей ее поддерживали. Она чувствовала всю несправедливость людей къ себѣ, но не только торжественно прощала всѣмъ врагамъ своимъ, но и у всѣхъ просила прощенія, если чѣмъ кого обидѣла. Взошедши съ духовникомъ своимъ на костеръ, она просила подать ей распятіе. Одинъ изъ предстоящихъ сложилъ ей крестъ изъ двухъ палочекъ: она взяла его и положила на сердце. Принесли и другой крестъ изъ церкви. Она просила духовника держать его предъ нею. Іоанна снова помолилась и поцѣловала крестъ. Тогда палачъ зажегъ костеръ; скоро пламя обняло со всѣхъ

сторонѣ молодую мученицу; но глаза ея все еще были устремлены на распятіе и она продолжала молиться; наконецъ, послѣднее слово, вырвавшееся изъ груди ея, было:— Спаситель мой! — и она склонила голову.

Скоро костеръ потухъ. Народъ молчаливо разошелся.

На площади осталось только нѣсколько праздныхъ Англичанъ и Французовъ, исполнителей казни. Когда все было уже кончено, палачъ въ ужасѣ подошелъ къ бывшему духовнику Юанны и сказалъ ему: « Мнѣ не получить отъ Бога прощенія, что я наложилъ руку на эту женщину.» Секретарь Англійскаго короля стоялъ надъ дымившимся пепломъ и, заливаясь горькими слезами, сказалъ: «Мы всѣ погибли, ибо мы сожгли Святую, которой теперь уже душа покоится въ руцѣ Божьей.» Одинъ Англичанинъ, который незадолго предъ тѣмъ самъ носилъ дрова для костра, такъ былъ тро-

нута концемъ Іоанны, что когда она произнесла свое послѣднее слово, имя Спасителя, онъ упалъ безъ чувствъ; потомъ объявлялъ ее Святою и рассказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ бѣлый голубъ воспарилъ къ небу изъ пламени.

Кардиналъ Винчестерскій, изъ предосторожности, велѣлъ бросить въ Сену пепелъ и кости Іоанны, дабы они не сдѣлались предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Такъ быстро превращается любовь въ ненависть и ненависть въ любовь въ непостоянной и слѣпой людской толпѣ! Были однакожь такіе, которые предавались злобной радости; но ихъ радость не находила болѣе сочувствія. Окружное посланіе Англійскаго короля ко всѣмъ государямъ Римско-Католической Европы, содержавшее оправданіе этой казни, произвело всюду самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Въ 1449, 1452 и 1455 годахъ, три раза дѣло, по просьбѣ матери и родныхъ несчастной, было переизслѣдовано съ дозволенія самаго Папы, и каждый разъ вполне была доказана вся ея невинность. 1-го Юля 1456 года, славнѣйшее духовенство и ученые Франціи издали объявленіе, что судъ надъ Іоанною былъ исполненъ жестокой клеветы, противенъ истинѣ и всѣмъ человѣческимъ и Божескимъ законамъ. Это объявленіе торжественно и всенародно было прочитано въ Руанѣ; а на мѣстѣ казни былъ поставленъ крестъ, въ знакъ искупленія преступнаго дѣла, здѣсь совершеннаго.

Отдавъ Іоаннѣ эту необходимую дань справедливости, Франція скоро забыла о своей избавительницѣ. Іоанна не была ни княжескаго ни графскаго рода, — и благородное Французское дворянство не сохранило объ ней благоговѣйной памяти. И потому не удивительно, если

первый Французскій писатель XVIII столѣтія могъ безнаказанно ругаться надъ ея чистымъ именемъ и святымъ подвигомъ. Но поруганная память Орлеанской дѣвы нашла защиту въ Германіи. Шиллеръ понялъ всю красоту поэтического образа Іоанны и облекъ его во весь блескъ и полноту своей стройной и богатой фантазіи, и Орлеанская дѣва Германскаго поэта навсегда останется бессмертнымъ произведеніемъ его поэтическаго генія (съ которымъ насъ такъ прекрасно познакомилъ Жуковскій) и лучшимъ воздаяніемъ памяти Іоанны, какое она когда-либо могла получить отъ людей. Такъ Нѣмецъ воскресилъ для Франціи лицо Іоанны, можетъ быть, прекраснѣйшее во всей ея исторіи. Такъ для того, чтобы спасти отъ разрушенія ея домикъ въ Реми, единственный памятникъ остававшійся послѣ нея, надо было, чтобы, во время занятія Франціи союзными войсками, чужестранцы своимъ

любопытствомъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ къ этому памятнику указали на него Французамъ, его забывшимъ. Дошло до того, что одинъ изъ иностранныхъ генераловъ предложилъ владельцу домика 6000 Франковъ, но онъ отказался. Самолюбіе Французовъ было пробуждено, и черезъ нѣсколько лѣтъ Вожскій департаментъ, въ которомъ находился маленькій городокъ Реми, купилъ этотъ домикъ; наконецъ, Людовикъ XVIII велѣлъ возстановить его въ прежнемъ его видѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть подписку по всей Франціи на сооруженіе памятника Юаннѣ. На собранныя деньги, возлѣ домика Юанны, учреждена была школа для бѣдныхъ дѣвицъ, а на площади Домъ — Реми поставленъ фонтанъ съ мраморнымъ бюстомъ Орлеанской дѣвы.

Въ комнатѣ, гдѣ, по преданью, родилась Юанна д'Аркъ, положена мраморная доска съ надписью объ Юаннѣ.

Въ недавнее время принцесса Марія Орлеанская, дочь Лудовика Филиппа, настоящаго Короля Французовъ,—художникъ, не смотря на свой высокій санъ,—изваяла прекрасную мраморную статую Орлеанской Дѣвы, которую считают однимъ изъ лучшихъ произведеній Французскаго ваянiя. Ее можетъ видѣть всякій въ галлерейхъ Версаля, и этотъ памятникъ, говоритъ Французскій біографъ, познакомилъ еще больше народъ Французскій съ благороднымъ лицомъ Іоанны д'Аркъ.

Эта статья была во многомъ дополнена по новѣйшимъ розысканіямъ Раучера въ его Историческомъ альманахѣ. Трудъ его привелъ къ тому результату, что очистилъ совершенно память Іоанны, и представляетъ намъ ее въ еще большемъ свѣтѣ и болѣе чистомъ образѣ. Не такъ бываетъ со многими другими

историческими личностями, которыхъ долго сопровождала слава людская и удивленіе людской толпы; но—чѣмъ доступнѣе становились ихъ дѣла для науки, чѣмъ ближе могла она поднести къ нимъ свѣтильникъ истины,— тѣмъ болѣе тускнѣла ихъ слава. Не такова была Іоанна, и потому она навсегда и останется однимъ изъ самыхъ чистыхъ и высокихъ лицъ въ исторіи человечества.

ЖИЗНЬ РАФАЭЛЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Къ 1511 году относится нѣсколько Мадоннъ Рафаэля, въ томъ числѣ и Мадонна Альбы, которая теперь украшаетъ галерею Эрмитажа. Но всѣхъ славнѣе Мадонна ди Фулиньо: она блещетъ нынѣ между картинами Ватикана, а прежде составляла славу маленькаго городка, Фулиньо, куда перенесена была наслѣдницей того Сигизмунда Конти, который былъ секретаремъ при папѣ и заказалъ Рафаэлю этотъ запрестольный образъ Богоматери, по общанію, когда былъ избавленъ отъ явной

опасности какимъ то небеснымъ явленіемъ. Это одно изъ превосходнѣйшихъ созданій кисти Рафаэля.

Богоматерь и Младенецъ Иисусъ представлены на картинѣ, какъ небесное видѣніе. Легкія облака служатъ для нихъ престоломъ и подножіемъ. Кругомъ солнечнымъ и сонмомъ Херувимовъ осынена эта чистая красота Любви божественной. Слегка Матерь придерживаетъ Младенца; одна Его ножка уперлась въ колено Пречистой, а другая скользитъ по облакамъ. Онъ, кажется, выходитъ изъ подъ Ея покрыва, чтобы взглянуть на дольний міръ и озарить его своей небесной улыбкой. Кроткій взглядъ Пречистой простирается долу и умиленно падаетъ на коленнопреклоеннаго старца, который молится Ей: это портретъ самаго Конти, даваго обътъ изобразить видѣніе. Блаженный Іеронимъ, со львомъ, всегдашнимъ своимъ спутникомъ, вручаетъ старца

небесному покрову. Съ другой стороны, также на колѣняхъ, стоитъ Францискъ, но гораздо замѣчательнѣе ликъ Св. Іоанна Крестителя. Онъ прямо пришелъ изъ пустыни; онъ принесъ ее съ собою. Она зноемъ истощила его тѣло; ея звѣриная кожа едва прикрыла его наготу; ея постъ прорылъ бразды по всѣмъ чертамъ лица его; она восторженной молитвой зажгла его очи и устремила его руку на Того, Кого онъ возвыщаетъ. Для насъ особенно дорого это изображеніе Іоанна Предтечи, потому что въ немъ воссозданъ кистью Рафаэля типъ намъ родной, чисто Византійскій. Это Предтеча, по преданіямъ Греческой церкви, давшій мысль великому художнику и въ краскахъ принявшій плоть отъ его кисти. Внизу, въ срединѣ между двумя боковыми группами, стоитъ маленькій крылатый ангельчикъ и держитъ дощечку, а самъ глядитъ на небо. Онъ какъ — будто слетѣлъ оттуда на

землю; это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ милліоны тамъ, въ облакахъ, окружаютъ и ихъ Чистѣйшую. Никто, какъ Рафаэль, не умѣлъ живописать ихъ. Одной кроткой душѣ его объявлялись эти невидимые. Словами не лзя его изобразить. Скажу: это чистая мысль; это молитва, посланная съ неба на землю и принявшая свѣжее тѣло невиннаго младенца.

Въ то время какъ Рафаэль начиналъ славиться въ Римѣ, тамъ же работалъ другой, уже славный живописецъ, соперникъ его по искусству, Микель Анжело Буонаротти. Чудную силу вложила природа въ этого человѣка. Онъ владѣлъ равно тремя искусствами: циркуль, рѣзецъ и кисть были одинаково ему покорны. Ему суждено было, и строить храмъ Св. Петра, и ваять огромную статую Моисея, и живописать картину Страшнаго Суда. Все являлось этому человѣку въ самыхъ необыкновен-

венныхъ размѣрахъ. Міръ, какъ онъ есть, казался для него слишкомъ малъ. Можно было подумать, что этотъ геній родился на высотахъ Монблана, гдѣ всѣ пропорціи такъ колосоальны и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ стройны, такъ соразмѣрны другъ другу, что огромное кажется сначала естественнымъ, а вырастаетъ надъ вами по мѣрѣ того, какъ вы къ нему подходите и съ нимъ сравниваете свою ничтожность. Необъятная льдина похожа издали на обыкновенный кусокъ льду: подошли, она поднялась надъ вашей головой, какъ огромный дворецъ. Такое же точно дѣйствіе бываетъ надъ вами, когда вы смѣтрите на произведенія М. Анжело. Съ гигантскою силою генія соединена была въ немъ такая же сила характера. Онъ нашелъ средство противостоятъ гордому и воинственному папѣ, Юлію II. Разсердившись на него за то, что не могъ два раза найти къ нему доступъ, М.

Анжело уѣхалъ изъ Рима во Флоренцію. Не смотря на троекратныя угрозы Юлія II, художникъ не возвращался— и папа самъ нашелъ его въ Болоньѣ, гдѣ помирился съ нимъ и заказалъ ему свою статую, величиною въ три раза противъ обыкновеннаго роста, съ мечемъ въ рукѣ. Такъ всемогущіе папы дорожили тогда художниками, во власти которыхъ была ихъ слава, и склоняли свою гордость передъ искусствомъ генія. Такое сознаніе своего достоинства имѣли и великіе художники. Конечно, надъ всѣми силою воли возвышался Микель Анжело. Въ его лицѣ находили что-то похожее на льва. Видно, особую печать могущества положила природа на самой его наружности. Его кисть равнялась силою его характеру.

Ровно девятью годами Микель Анжело былъ старше Рафаэля: первый находился уже во всей порѣ своего развитія, когда слава втораго только что

просіяла. Микель Анжело тогда былъ снова въ ладу съ папою Юліемъ II. По его порученію, во дворцѣ Ватиканскомъ, въ капеллѣ Сикстовой, онъ расписывалъ аль-фреско потолокъ и верхнія части стѣнъ, къ нему прилежащія. Сотвореніе міра и человѣка, Пророки Іерусалима и Сивиллы, составляли предметъ его кисти. Самые чудные, исполненскіе образы творила его фантазія—и они покорно выступали на потолокъ и на стѣнахъ. Тутъ Господь Саваоѡъ носился надъ мірозданіемъ; окруженный сонмомъ Ангеловъ, Онъ прогонялъ хаосъ и мракъ; колоссальное тѣло Адама обрѣтало жизнь и душу отъ прикосновенія Божія; Ева, сотворенная, благодарила Творца за жизнь; вотъ пала первая чета; вотъ она изгнана изъ рая; тамъ носится ковчегъ Ноя; тамъ совершилось преступленіе Хамово.... Такъ вся ткань Священной Исторіи развивается здѣсь въ чудныхъ картинахъ, до са-

мыхъ Пророковъ, которые то плачутъ надъ Иерусалимомъ, какъ дивный Иеремія, то, вмѣстѣ съ Сивиллами, величаво возвѣщають Грядущаго. Въ двадцать мѣсяцевъ исполнились всѣ эти чудеса кисти. Поднятый на огромныхъ лѣсахъ къ потолку храма, неутомимо работалъ художникъ. Никто не смѣлъ нарушать его уединенія, разстраивать думъ его своенравной фантазіи, которая предавалась всей силѣ своихъ порывовъ. Говорять, что будто бы даже ни мальчика не было при немъ для растирки красокъ. Одинъ только папа имѣлъ право, по особой лѣстницѣ для того устроенной, подниматься въ святилище художника и слѣдить постепенность, или лучше быстроту, съ какою совершались живописныя чудныя видѣнія погруженнаго въ мысль свою художника.

Конечно, въ Римѣ много было любопытныхъ, которые желали напрасно проникнуть въ тайну Сикстовой капел-

лы. Но кому же могло такъ сильно этого хотѣться, какъ не Рафаэлю? О! ужь вѣрно, мысль его часто, часто устремлялась туда. Онъ благоговѣлъ передъ великимъ, старшимъ мастеромъ кисти. Онъ хотѣлъ бы перенять у него всю силу его созданій. Скромный Рафаэль никогда не признавалъ своего врожденнаго первенства въ живописи. Онъ, казалось, все учился, все подражалъ, и въ то же время превосходилъ всѣ образцы своего ученья и подражанья. Никогда ни малѣйшее чувство гордости и самодовольства не останавливало его стройнаго развитія. Онъ склонялся передъ другими, — а искусство тотчасъ же его надъ ними возвышало. Онъ ненасытно поглощалъ все прекрасное на пути своемъ къ идеалу живописи — и незамѣтно достигъ до цѣли, но не гордостью, не самосознаніемъ, а чуднымъ смиреніемъ и силою свыше, которая его осѣняла.

Есть преданіе, что архитекторъ Браманте, имѣвшій большую власть во дворцѣ Ватиканскомъ, доставилъ Рафаэлю возможность увидѣть труды Микель Анжело, однажды, во время его отсутствія. Наконецъ, въ 1512 году, 1-го Ноября, въ день Всѣхъ Святыхъ, были сняты лѣса въ Сикстовой капеллѣ, и открылся подвигъ Микель Анжело. Много народу приходило во храмъ; но въ этой многолюдной толпѣ всѣхъ безмолвнѣе смотрѣль, всѣхъ глубже понималъ Рафаэль то, передъ чѣмъ стекался изумленный Римъ. Слава Микель Анжело нисколько не подавила двадцати-девятилѣтняго художника. Конечно, тогда-то въ первый разъ сказалъ онъ про себя тѣ достопамятныя слова, которыя и послѣ повторялъ часто: «Счастливъ я, что родился во времена Микель Анжело; онъ открылъ мнѣ такой родъ живописи, какого не знали прежніе мастера.»

Необыкновенная сила прибыла въ кисти Рафаэля, когда онъ прозрѣлъ въ тайну Микель-Ангелевыхъ созданий. Немедленно въ церкви Св. Августина онъ изобразилъ Пророка Исаію и показалъ на немъ силу своей кисти. Въ другой церкви *Maria della Pace*, явились также его вдохновенныя Сивиллы. И въ Аѳинской школѣ, статуя Аполлона, украшающая храмъ, обнаружила то же вліяніе. Но должно сказать, что Рафаэль, сколько ни изучалъ всѣхъ лучшихъ художниковъ своего времени, сколько ни заимствовалъ все прекрасное ему современное въ Италіанской кисти,—однако всегда оставался самимъ собою и все чужое умѣлъ такъ превращать въ свое собственное бытіе, что на немъ совершенно исчезали слѣды подражанія, а блистала только одна печать его властительнаго генія. Сила кисти, подъ рукою Микель Анжело, извращавшая всячески нагое тѣло человѣческое, доходила до

грубости; но у Рафаэля эта сила умѣрялась чудною, непринужденною прелестью. Человѣческій характеръ обоихъ художниковъ выражался въ ихъ живописи. И въ картинѣ, какъ въ поэзіи, нельзя рознать человѣка отъ живописца, отъ поэта. Означимъ здѣсь черты и того и другаго: тогда намъ яснѣе будутъ и ихъ картины.

Не лѣзя не удивляться твердости характера Микель Анжело, когда онъ борется съ папою Юліемъ II и власть своего генія ставитъ въ соперничество съ гордой папской властью. Здѣсь онъ великъ и славенъ. Но не таковъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ художникамъ, гдѣ его твердость переходитъ уже въ грубость. Еще мальчикомъ, въ саду Лаврентія Медичи, игралъ онъ съ товарищами, издѣвался надъ ними и разсердилъ ихъ до того, что они разбили ему носъ, признакъ чего остался до конца его жизни. Строятъ Флорентин-

ской соборъ: архитектору Баччіо д'Аньоло хочется довершить его куполь: кто противится тому? — Микель Анжело. — Въ 1504 году, онъ выставилъ свою прекрасную статую Давида, на площади Герцога, во Флоренціи: толпа ваятелей, оскорбленныхъ художникомъ, хотѣла закидать ее камнями, и только одной силою стража могла охранить статую. Всѣ старые мастера терпѣли обиды отъ самовластнаго художника. Піетро Перуджино, Рафаэлевъ учитель, жаловался на М. Анжело передъ судомъ за то, что онъ назвалъ его невѣждою въ искусствѣ. Въ Болоньѣ открывали статую Юлія II; Франческо Франчіа былъ тутъ и похвалилъ литье, не сказавъ ни слова объ искусствѣ ваятеля; М. Анжело обидѣлся и оскорбилъ художника жесткимъ словомъ, а потомъ его сыну, прекрасному лицомъ, сказалъ: «живыя фигуры отца твоего лучше чѣмъ писанныя.» При папѣ Львѣ X онъ вытѣс-

нилъ Леонардо да Винчи изъ Рима. Хотѣли строить фасадъ церкви Св. Лаврентія во Флоренціи: М. Анжело не могъ поладить ни съ однимъ изъ художниковъ, и фасадъ остался недостроенъ. Такъ во всемъ виденъ былъ крутой нравъ великаго мастера.

Оба художника сами себя живописали. Спишемъ портреты ихъ словомъ, поскольку оно можетъ передать кисть. На лицѣ М. Анжело видна и сила его генія, и его черствая твердость. Жесткіе, взъерошенные его волосы означаютъ жесткость его характера. На широкомъ челѣ видна власть и обширная дума генія. Тройная морщина на немъ и худощавость лица означаютъ трудъ неутомимый. Большіе глаза подъ навислыми бровями заняты своею мыслію и не расположены смотрѣть на чужое. Сплюснутый носъ—память строптиваго дѣтства—прибавляетъ къ сходству его со львомъ. Уста сжаты, не растворены къ улыбкѣ;

раздвоившаяся борода довершаетъ суровость выраженія. Простая одежда соотвѣтствуетъ строгой воздержности художника. Она лишь прикрываетъ наготу тѣла, которая въ глазахъ М. Анжело только искажалась одеждою.

Во всемъ противоположенъ ему Рафаэль. Красота сіяетъ на всѣхъ чертахъ художника, который призванъ былъ Провидѣніемъ разгадать ее во всѣхъ образахъ человѣка и природы. Мягкость и кротость — подруги красоты — стройно сливаются съ нею на всемъ лицѣ его. Чело его, прикрытое беретомъ, свѣтло и ясно. Брови выведены дугой надъ глазами, въ которыхъ глубокая мысль генія не мѣшаетъ сіять ласкъ добраго человѣка. Носъ очерченъ правильно, какъ у Аполлона Бельведерскаго. Полныя и открытыя губы готовы улыбнуться и подарить дружелюбнымъ поцѣлуемъ все прекрасное. Нижняя волнистая линія лица проведена рукою геніальнаго рисо-

вальщика. Вьющіеся длинные волосы остиniają высокую и стройную шею. Красивая одежда, накинутая на плечи, показываетъ, что художникъ не пренебрегалъ наружностью и любилъ облачать свои стройные члены въ изящно-сложенныя ткани.

Это милое, прекрасное лицо выражало такую же милую, прекрасную душу. Ученикъ самаго Микель Анжело, Вазари, передалъ намъ нравственный портретъ Рафаэля: онъ долженъ быть вѣренъ тѣмъ болѣе, что написанъ ревностнымъ приверженцемъ его соперника. Всѣ художники, говоритъ Вазари, самые своеправные и самолюбивые, работая въ товариществѣ съ Рафаэлемъ, жили въ такомъ соединеніи и согласіи, что всякая непріятность при взглядѣ на него исчезала, всѣ распри около него погасали, всякая низкая мысль невольно убѣгала отъ его окруженія. Никогда, ни въ какое другое время, художники не жили такъ

ладно между собою какъ при немъ. Всѣхъ побѣждала его любезность, его искусство, а еще болѣе его нѣжная, воспріимчивая душа, которая до того простирала любовь свою и на человѣка и на природу, что, казалось, не одни люди, но и животныя чувствовали къ нему уваженіе. Разсказываютъ, что каждому живописцу, зналъ ли бы онъ его, не зналъ ли, стоило попросить у Рафаэля рисунка, и онъ немедленно покидалъ свою работу, чтобы исполнить его желаніе. Множество молодыхъ людей у него занималось: всѣмъ онъ помогалъ, всѣмъ давалъ совѣты, любя ихъ, не какъ художниковъ, но какъ дѣтей своихъ. За то, когда ходилъ ко двору, отъ самаго дома его до Ватикана, провожало его всегда не менѣе пятидесяти живописцевъ, самыхъ лучшихъ, и всѣ они тѣснились въ его свитѣ, чтобы почтить въ немъ перваго генія кисти и добраго человѣка. Онъ жилъ не художникомъ,

можно сказать, а государемъ — и живопись могла тогда почестъ себя счастливою, когда возвышалъ ее до неба Рафаэль, совмѣстившій въ себѣ искусство и любящее сердце. Счастье было тогда и всѣмъ художникамъ! И величіе Юлія II, и щедрость Льва X, склонялись передъ Рафаэлемъ, который и на нихъ простиралъ власть высокаго генія и доброй души своей. Счастливы тѣ, которые работали подъ его оживляющимъ взглядомъ: всѣмъ былъ успѣхъ, всѣмъ удача, — и всѣ, глядя на Рафаэля, въ первый разъ поняли, какъ прекрасно бываетъ сліяніе художника и человѣка вмѣстѣ, какъ искусство славить тогда жизнь и жизнь одушевляетъ искусство. Могла умереть и вся живопись, когда умеръ Рафаэль, — такъ говоритъ Вазари. Ослѣбла она, когда закрылись его свѣтлыя очи. Передавая этотъ разсказъ Вазари о Рафаэлѣ, не льзя не вспомнить о нашемъ Пушкинѣ, который умеръ

жить къ числу произведеній, писанныхъ Рафаэлемъ въ Римѣ. Папа такъ изображенъ на этомъ портретѣ, что если вы видѣли сей послѣдній, то какъ будто знали самого папу. Вазари очень простодушно говорить: на него смотришь—и его боишься. Папа написанъ однако нисколько не страшнымъ; но видно изъ словъ Вазари, какое грозное чувство внушалъ даже художникамъ глава Римскаго церковнаго государства, въ лицѣ Юлія II.

Рафаэль, какъ ни былъ уже славенъ, но не могъ не искать себѣ новыхъ образцовъ для изученія. Отъ Микель Анжело онъ перешелъ къ Джіорджіоне, художнику Венеціанской школы, который отличался живостью колорита. Онъ даже никогда не зналъ его лично, но такъ плѣнился его портретами, что началъ подражать ему, по своему обычаю. Есть во Флоренціи, въ трибунѣ, портретъ одной прекрасной женщины.

Многіе приписыввють его Джіоржіоне — и правда, что онъ писанъ точно его колоритомъ и въ его стилѣ. Но, не смотря на то, Джіорджіоне никогда бы не удалось такъ написать: это онъ же, да перешедшій черезъ душу и кисть Рафаэля.

Юлій II понималъ художника, и все шире и шире открывалъ поле для его дѣятельности. Новыя залы въ Ватиканскомъ дворцѣ ждали того, чтобы ихъ оживила кисть художника. Четыре новыя огромныя картины, кромѣ малыхъ, одна въ слѣдъ за другою, свидѣтельствовали, какъ Рафаэль шелъ впередъ и завоевывалъ все поприще живописи; то были: Иліодоръ, изгнанный изъ храма, Больсенское чудо, Петръ, освобождаемый Ангеломъ изъ темницы, и Атила, поражаемый Апостолами Петромъ и Павломъ. Опишемъ первую и послѣднюю, въ которыхъ сила кисти торжествуетъ и виденъ вполне возмужавшій

художникъ. Могучіе образы Микель Анжело здѣсь получили стройность и жизнь. Художникъ не мѣтитъ на силу, но владѣеть ею.

Третья глава второй книги Маккавеевъ дала предметъ для первой картины. Иліодоръ былъ посланъ Селевкомъ, царемъ Сирійскимъ, въ Іерусалимъ для того, чтобы изъ храма взять сокровище, принадлежавшее вдовамъ и сиротамъ. Похитителя постигла казнь Божія. Юлій II хотѣлъ, чтобъ библейское событіе получило примѣненіе ему современное и чтобы въ лицѣ Иліодора казнены были всѣ, посягавшіе на церковное государство Рима. Кроткой художникъ долженъ былъ повиноваться самовластному папѣ, который и на искусство налагалъ свои политическія цѣли.

Картина изображаетъ внутренность Іерусалимскаго храма: седмисвѣщникъ, стоящій на алтарѣ, доноситъ о томъ зрителю. Первосвященникъ Онія пре-

клонилъ передъ нимъ колѣна и поднялъ руки и глаза къ небу, моля Бога защитить казну сиротъ и вдовиць. Его окружають священники вмѣстѣ съ нимъ молящіеся, или разсуждающіе о преступленіи. По лѣвую сторону отъ зрителя, прекрасныя группы дѣтей и женъ представляютъ толпу обиженныхъ. Ихъ лица невинны и свѣтлы. Всѣ они подъ защитою храма и незримаго Бога. Надъ ними возвышается гордая фигура папы, носимаго на своемъ престолѣ. Юлій II равнодушно, съ жестокою улыбкою, смотритъ на казнь, которая совершается на другой сторонѣ картины. Гнѣвный всадникъ, въ золотыхъ доспѣхахъ, направляетъ коня своего на поверженнаго Иліодора. Опрокинутый сосудъ съ деньгами свидѣтельствуетъ преступленіе грабителя. Откуда явился этотъ всадникъ? Конь во храмѣ показываетъ, что какая-то чрезвычайная сила внесла его сюда. При немъ двое юношей: они

не касаются земли и будто слетѣвши съ неба, несутся вооруженные хлыстами на преступника. Иліодоръ палъ — и чувствуя вину свою, не защищается. Съ раскаяніемъ принимаетъ онъ небесную кару. Не таковы его клеветы. Они думаютъ о спасеніи и влекутъ вонъ изъ храма сокровища. Но ужъ видно, что скоро и ихъ настигнетъ Божія десница.

Есть преданіе въ лѣтописяхъ Римскихъ, что когда грозный Аттила съ своими Гуннами шелъ на Римъ, императоръ Валентиніанъ III выслалъ къ нему съ послами папу Льва I. Есть еще другое преданіе, что воителю предстали Апостолы Петръ и Павелъ, на коняхъ, съ обнаженными мечами. Рафаэль употребилъ этъ преданія въ матеріалъ для своей картины, но онъ вложилъ въ него свою мысль и согласно ъ нею измѣнилъ нѣсколько подробности.

Апостолы, съ нагими мечами, несутся по воздуху противъ силы вражеской.

Подъ ихъ осѣненіемъ , спокоенъ и величавъ, на бѣломъ мулъ , сидитъ папа Левъ , окруженный своею свитою и предшествуемый крестомъ. Всадникъ держащій булаву, представляетъ , какъ говорятъ , портретъ Перуджино, Рафаэлева учителя. Папа выѣхалъ изъ Рима , который вдали обозначенъ подубо-рушенною громадой Колизея и цѣпью водопроводовъ.

На другой сторонѣ дикая сила , въ лицѣ Аттилы и его воинства , смятая небесною грозою , уступаетъ силѣ духовной. Черныя тучи висятъ надъ нею. Вѣтеръ рветъ знамена , которыхъ не въ силахъ удержать воины. Всадники , въ чешуйчатыхъ латахъ , не справятся съ конями. Трубачи бьютъ отбой и повернули назадъ. Царь—бичъ земли — на черномъ конѣ несшій мечъ и огонь на столицу міра, пораженъ небеснымъ видѣніемъ—и, покоряясь его дивной власти, простираетъ руки назадъ и какъ

будто не можетъ отвлечь взоровъ отъ воздушной четы.

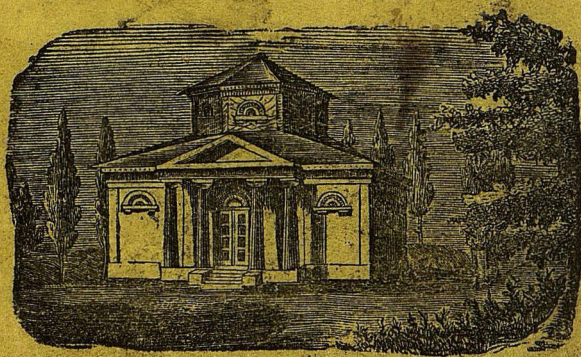
Прекрасную мысль выразилъ здѣсь Рафаэль, какъ сила меча падеть передъ силою духа. Мракъ и свѣтъ; буря и тишина, тревога и покой, рѣзкими границами отдѣлили и ту и другую. Но и въ этой картинѣ Рафаэль принужденъ былъ заплатить дань вѣку и власти. Юлій II сошелъ уже съ престола въ могилу; ему наследовалъ Левъ X Медичи, который потребовалъ отъ художника, чтобы онъ въ видѣ Льва I представилъ его, Льва X-го, и чтобы эта картина была также примѣнена къ современному событію, къ побѣдѣ папы надъ Французами и Людовикомъ XII въ 1513 году. Такъ Римскіе государи обязывали искусство служить себѣ и своимъ политическимъ видамъ. Они понимали, что безъ него не будетъ и имъ славы.

Юлій II, при всей своей гордости

любилъ и уважалъ Рафаэля. Этѣ чувства къ художнику перешли и на его наслѣдника, Льва Х, при которомъ совершилъ Рафаэль послѣдніе великіе подвиги своей кисти.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

Цена 5 руб. серебромъ